

ГЕРМЕТИКОН

ВАДИМ ПАНОВ

ПРОШЛОЕ ДОЛЖНО УМЕРЕТЬ

Герметикон

Вадим Панов

Прошлое должно умереть

«Панов Вадим»

«ЭКСМО»

2020

Панов В. Ю.

Прошлое должно умереть / В. Ю. Панов — «Панов Вадим»,
«Эксмо», 2020 — (Герметикон)

ГЕРМЕТИКОН Некорректная, упрощенная, но получившая широкое распространение и официальный статус форма слова «Герменомикон». В настоящее время слово «Герметикон» используется в следующих значениях: Самая известная алхимическая школа, обладающая рядом собственных университетов и научных центров; Название планеты (и государства), на которой расположена алхимическая школа Герметикон; Вся освоенная человечеством Вселенная.

© Панов В. Ю., 2020

© Панов Вадим, 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Пролог,	13
Глава 1,	17
Ретроспектива,	46
Глава 2,	53
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Вадим Панов

Прошлое должно умереть

Пролог, ***в котором пытливый путешественник с интересом*** ***изучает нюансы провинциального правосудия***

- Веревка? – хмыкнул Помпилио, с искренним удивлением рассматривая виселицу.
- Да, веревка.
- Для меня?
- Ты сегодня герой дня, – подтвердил констебль. – Правда, ненадолго.
- Но говорить о тебе добрые жители Фоксвилля станут до вечера, – добавил мэр. – Пока

не напьются.

Виселица оказалась старой, много чего повидавшей, но крепкой. Во время общегородских собраний она использовалась в качестве трибуны, с которой выступали мэр Чапли и констебль Дребренди, осуществляющие в Фоксвилле государственную власть, однако сегодня виселицу готовились использовать по назначению, для чего тщательно проверили работу механизма и прикрепили новую веревку.

- Ты серьезно? – продолжил Помпилио. – Вешать?

– Тебя что, никогда не вешали? – поинтересовался констебль. – Странно, учитывая, скольким людям ты успел насолить.

- Я – честный путешественник.

- Ты – бандит и убийца, – перебил Помпилио Дребренди. – Нас не обманешь.

– Потому что именно здесь, на пограничной планете, живут самые проникательные во Вселенной констебли, – проворчал Помпилио.

- Что ты сказал?

- Припомнил, что однажды меня действительно хотели повесить.

- И чем все закончилось? – уточнил любознательный Дребренди.

Помпилио ответил выразительным взглядом, после чего добавил:

- Деталей не помню, но кое-кто точно умер.

Констебль хмыкнул. Он плохо понял ответ пленника.

Разговор начался, когда Дребренди вывел связанного адигена¹ из городской тюрьмы – крепкого сарая, стоящего на заднем дворе мэрии, и они, сопровождаемые двумя охранниками с винтовками наизготовку, направились на главную площадь Фоксвилля. Причем инициатором стал Помпилио: он несколько раз задавал наводящие вопросы, однако среагировал Дребренди только на упоминание виселицы.

– Сегодняшнее повешение ты не забудешь, – пообещал констебль. – У нас тут народ простой и дикий, пограничная планета, сам понимаешь. Работы много, работа тяжелая, а развлечений мало, к нам даже передвижной цирк не всегда заглядывает.

- Сочувствую.

– Поэтому мы тебя не пристрелили, – продолжил Дребренди. – Вешать и дольше, и смешнее. А после каждого повешения выручка бара подскакивает вчетверо.

- Бар принадлежит тебе?

- Как ты догадался?

– Ты постоянно открываешь рот, чтобы спросить, что я буду заказывать, но вовремя вспоминаешь, что находишься на другой работе.

Один из охранников хмыкнул, но тут же спрятал улыбку, перехватив бешеный взгляд констебля.

¹ Значение этого и прочих используемых в Герметиконе слов и выражений см. в словаре.

– Сегодня я выпью лишний стаканчик, – пообещал Дребренди, взяв себя в руки. – Ты меня насмешил.

– Я только начал, – прищурился Помпилио.

Ответа на это заявление не последовало.

Констебль – высоченный, мощного сложения бородач с крупными чертами лица – охотно посмеялся бы над дерзостью пленника, но они как раз подошли к мэру Чапли и важному гостю из сферопорта, директору расположенной на Фархе фактории Компании, которому Чапли разве что ботинки не облизывал, и Дребренди решил, что хохотать при них не следует.

– Вот, – произнес он, выталкивая Помпилио на шаг вперед. – Наш сегодняшний герой.

Мэр и директор внимательно оглядели пленника, а тот – их. И прежде, чем важные персоны принялись обмениваться впечатлениями, резко бросил:

– Я тебя знаю, галанит! – и высокомерно кивнул на директора Фактории. – Видел твою рожу в сферопорту.

– Больше вежливости, – велел констебль, но не удостоился даже кривой усмешки в свой адрес.

А вот директор не обиделся, весело рассмеялся и осведомился:

– Страшно?

– Пока нет, – качнул головой Помпилио. – Посмотрим, что будет дальше.

– Дальше будет страшно, – пообещал директор и неожиданно представился: – Меня зовут Ауроберт Спесирчик.

Однако руки не подал.

– Не боишься называть имя?

– Его здесь знают, – отмахнулся галанит.

– А мое? – быстро спросил Помпилио и понял, что выстрелил в нужном направлении: мэр и констебль слегка помрачнели. Но именно слегка, отказываться от экзекуции они не собирались.

– Я хочу, чтобы ты знал, кто приказал тебя повесить, Помпилио Чезаре Фаха дер Даген Тур, – негромко, но с видимым наслаждением произнес галанит. – А местным жителям не обязательно знать, кого они повесят. Их это не касается. А я... – он прищелкнул губами. – Я войду в историю Галаны. Убью самого Помпилио! Героя Герметикона и любимца адигенов. И не просто убью, а повешу, как собаку, на радость и смех всей Галане.

– Можно будет устроить праздник.

– О твоей смерти напишут во всех газетах, причем шуток будет – хоть отбавляй.

Дер Даген Тур промолчал: уговаривать галанита отказаться от казни не имело смысла. Зато теперь стала абсолютно ясна подоплека происходящего: Спесирчик заприметил его в Гейтсбурге, сферопорту Фархи, каким-то образом выведал его маршрут, скорее всего, подкупив одного из проводников, опередил их отряд, воспользовавшись тем, что Помпилио путешествовал по Фархе на лошадях, первым добрался до Фоксвилля и подготовил засаду. В местном трактире адигену подсыпали в жаркое что-то мощное, скорее всего – большую дозу фариция, а очнувшись, дер Даген Тур обнаружил себя в камере местной тюрьмы, обвиняемым в грабежах и убийстве. В убийствах, если быть точным: как выяснилось, он застрелил своих проводников, свидетелем чего, по стечению обстоятельств, стал один из помощников констебля.

– Если ты надеешься объявить с эшафота свое имя и тем смутить добрых жителей Фоксвилля, то не надейся, – пробормотал Дребренди, запихивая в рот пленника кляп. – С последним желанием, извини, тоже не получится.

Ситуация стремительно превращалась из плохой в катастрофическую. Руки связаны, рот заткнут, командует галанит, а их национальной чертой еще со времен Инезирской династии стала животная ненависть к адигенам. Помпилио понимал, что за него отомстят, возможно –

в ближайшие дни, прекрасно знал, как сыграть на этом и убедить людей опомниться, но не имел возможности.

Но страха не было, только вызванная бессилием ярость. Однако внешне это никак не проявлялось: адиген спокойно направился сквозь толпу к эшафоту, не обращая никакого внимания на летящие со всех сторон ругательства:

- Грабитель!
- Убийца!
- Сдохни!

Шел спокойно, с высоко поднятой головой.

Как все мужчины древнейшей лингийской династии даров – Кахлес, Помпилио дер Даген Тур отличался плотным, почти крестьянским сложением и был абсолютно лыс. Он мог сойти за деревенского кузнеца, крепости в нем хватало, однако лицо потомка бесчисленного числа правителей, и особенно его властное выражение, не оставляли сомнений в происхождении «кузнеца»: выпуклый лоб, надменный взгляд серо-стальных глаз, нос с горбинкой, упрямый подбородок... несмотря на то что сейчас дер Даген Тура был одет в простую цепарскую одежду, грубоватую, но удобную, со множеством карманов, любой житель Герметикона без труда опознал бы в нем адигена.

Но разгоряченные обитатели Фоксвилля были чересчур возбуждены предстоящим действием.

- Мерзавец!
- Смерть ему!
- Не жалейте убийцу!

А вместе с оскорблениями летели плевки и тычки, от которых охранники не спешили защищать пленника.

- Подонок!
- Ублюдок!

Фоксвилль был хоть и провинциальным поселением заштатной пограничной планеты, мог похвастаться населением в несколько тысяч человек, не меньше, и все они высыпали на площадь. Судя по всему, предыдущая экзекуция состоялась давно, и жители успели соскучиться по зрелищу публичной казни.

- Проведите его по всей площади! Мы тоже хотим в него плюнуть!
- Не вешайте его слишком быстро!
- Не затягивайте сразу! Пусть потрепыхается!

Советы и пожелания летели до тех пор, пока мэр, за которым следовали палач и Помпилио, не поднялись на эшафот.

– Тихо! – рявкнул Чапли, и площадь мгновенно смолкла. – Граждане свободной республики Фарха! Возлюбленные жители Фоксвилля! Сегодня мы собрались для того, чтобы предать справедливому суду знаменитого грабителя и убийцу...

- Разве суда еще не было?! – крикнул кто-то из толпы.
- Был, – рассмеялся мэр.

– Тогда давайте вешать! Не останавливайся!

– Надеть ему мешок? – громко спросил палач, желая выдержать все положенные демократические процедуры.

- Да!
- Да!
- Нет!
- Да!
- Пусть так болтается!
- Без мешка!

– У них такие смешные ужимки!

Палач посмотрел на Чапли, тот пожал плечами, и мешок полетел в сторону.

– Не думайте, что я так же счастлив, как галанит, – неожиданно прошептал мэр на ухо Помпилио. – Просто я не могу ему отказать.

Ответом адигена стал короткий, но весьма выразительный взгляд.

– Начинай, – приказал Чапли, делая шаг назад.

Палач сделал шаг вперед и накинул на шею Помпилио петлю.

Толпа заволновалась.

Веревка в Фоксвилле оказалась грубоватой, но хорошо смазанной, и не было никаких сомнений в том, что задачу она выполнит.

– Не туго? – осведомился палач.

Снизу, из первого ряда, широко улыбался и пытался остроумно шутить Спесирчик, однако привлечь внимание адигена у него не получалось: дер Даген Тур готов был умереть, как трус, с закрытыми глазами, лишь бы не видеть перед смертью довольную рожу галанита. Поразмыслив, Помпилио посмотрел вверх, сменив вид озверелой толпы на образ безбрежного неба, и увидел на крыше мэрии человека с ружьем.

С винтовкой, если быть точным.

А если быть совсем точным, с прекрасной дальнобойной винтовкой «Шпрау», которую дер Даген Тур опознал по характерной форме приклада. Человек как раз занял удобную позицию и поднял оружие, изготовившись к стрельбе.

«Интересно...»

И в тот момент, когда палач сделал шаг к рычагу, намереваясь распахнуть люк и отправить знаменитого исследователя в последнее путешествие, стрелок надавил на спусковой крючок. Грохот выстрела прозвучал в тот же миг, когда тяжелая пуля влетела палачу в голову и швырнула на землю, но среагировать на него никто не успел... кроме мэра, который, проявив чудеса сообразительности и реакции, спрыгнул с эшафота и юркнул в толпу.

И вовремя спрыгнул, потому что первый выстрел не остался единственным: на крышах большинства домов оказались вооруженные люди, которые открыли огонь, заставив жителей Фоксвилля запаниковать. Причем стреляли они, как заметил Помпилио, не по людям, а по земле и по верху голов, не убивали, а разгоняли толпу, создавая хаос и неразбериху. И так же – предупредительно – повели огонь пулеметы из зависшего над площадью цеппеля. И своей цели нападавшие добились: ничего не понимающие жители метались по площади в поисках укрытия, орали, ругались, сталкивались друг с другом, но не помышляли о какой-либо обороне. И никто не обратил внимания на сброшенную с корабля «корзину грешника».

– С вами все в порядке? – Вскочивший на эшафот цепарь сорвал с шеи Помпилио веревку и ловким ударом ножа освободил адигену руки. – Мы едва успели...

Однако договорить цепарь не успел: жизнь научила дер Даген Тура не доверять внезапно появляющимся спасителям, и первое, что сделал освобожденный от пут адиген – нанес сильнейший и совершенно неожиданный удар в челюсть, отправив цепаря в нокаут, после чего спрыгнул с эшафота и помчался к мэрии, возле которой заприметил мотоциклет.

Глава 1, *в которой Кира скучает, команда «Пытливое амуша» готовится к походу, Огнедел получает обещание, а Помпилио совершает увлекательное путешествие по экзотическому лесу*

Самые старые миры Герметикона – планеты Ожерелья – являлись не только самыми заселенными, больше миллиарда жителей в каждом, но и самыми цивилизованными. И напоминали гигантские паротяги, тянущие человечество в будущее. Миры Ожерелья соперничали друг с другом во всем: в науке и промышленности, величии городов и тонкости искусства, в исследовании и обустройстве новых планет, на которых они традиционно создавали не колонии, а самостоятельные государства, превращая новые миры в свои подобию: в планеты, где власть принадлежала наследной аристократии.

Потому что самые старые миры Герметикона, за исключением Галаны, строго придерживались консервативных правил: власть – да рам, душа – Олгеменической церкви. Так пошло от Первых Царей, которые наследовали Добрым Праведникам, и так должно оставаться.

Остаться, но не костенеть, и потому адигеном мог стать любой простолюдин, обладающий должным умом, талантом или упорством – об этом тоже говорилось в заповедях Добрых Праведников и Первых Царей. А заповеди адигенами соблюдались. Где-то строго, где-то – как получится. Но если говорить о самой консервативной планете Ожерелья, то таковой по праву считалась Линга – оплот старинных правил и традиций. Мир, большинство да ров которого вели свои родословные от Первого Царя. Мир, сумевший устоять под натиском императора и добиться от великого завоевателя права на автономию. Мир, который люто ненавидели галаниты, потому что, несмотря на верность патриархальным традициям, Академия Наук заносчивых лингийцев не оскудевала на открытия, а промышленность считалась одной из лучших в Герметиконе.

Консерваторы шли вперед вместе со всеми, иногда – опережая всех, но при этом не менялись, сохранив себя на протяжении тысячи лет.

И городишко Даген Тур не менялся, оставаясь таким же тихим, уютным и полусонным, как в те далекие-далекие времена, когда основатель династии Кахлес увидел его и навсегда влюбился. Летом пыльный, зимой снежный, раскинувшийся на берегу озера Даген, но располагающийся вдали от традиционных торговых путей, городишко просто жил, с радостью встречая да ров Кахлес, ищущих в нем тишину и покой, и не изменился даже после того, как в соседних горах обнаружили богатейшие запасы золота и меди. Ну нашли, ну денег стало больше, ну жить стало легче, но это же не повод превращать родной город в вертеп? Лингийцы вознесли хвалу Доброму Маркусу, публично выпороли шустрого дельца, решившего открыть в Даген Туре публичный дом для шахтеров, и вернулись к повседневным заботам. И лишь покивали головами, узнав, что к шахтам и прииску проложили железнодорожную ветку – вывозить добытое в Черемхейден. Мол, раз надо, значит, надо. Однако вокзал попросили выстроить за чертой города, чтобы не мешал.

Не очень удобно, однако настаивать на первоначальном плане прижать станцию к окраинным постройкам никто не стал – не в традициях. Да и опасно, учитывая любовь народа к оружию и либеральные правила, позволяющие владеть им любому законопослушному лингийцу.

В результате все новые строения, включая вокзал, оказались за пределами старого города, и жемчужина дарства Кахлес осталась безупречно красивой. И Кира дер Даген Тур не уставала ею любоваться.

Окна ее спальни смотрели на юг, на долину, и едва в каком-нибудь из фермерских домов начинал петь петух, Кира вскакивала с кровати, накидывала халат, распахивала тяжелые шторы, выходила на широкий балкон, кольцом охватывающий башню, и улыбалась, глядя на свой новый мир, на земли, название которых стало ее фамилией.

Глядя на адигенское владение Даген Тур.

Которым девушка любовалась в любую погоду, и в солнечную, и в пасмурную. С удовольствием разглядывала скалистые горы, нависающие над невероятно синими водами самого большого на Линге озера, пересчитывала рыбацкие суденышки, украшающие Даген белыми треугольниками парусов, и мысленно желала рыбакам удачи, а затем переводила взгляд на широкую долину, обрамленную высокими лесистыми горами. Долину, которую навеки скрепил с бескрайним озером старый город. Неменяющийся. Немного сонный. С высоченной колокольной собора Доброго Маркуса, уютными, утопающими в зелени домиками и узкими, мощенными булыжником улочками, по которым, как заверяли местные жители, ходил сам Праведник.

Проснувшись, Кира долго гуляла по балкону или стояла у окна, если шел дождь, и смотрела на свой новый дом, впитывала его, пыталась понять, почувствовать, чем привлек сей «медвежий угол» самую известную династию лингийских да ров. И почему ее муж, блестящий Помпилио дер Даген Тур, знаменитый путешественник, исследователь и первооткрыватель, водящий дружбу едва ли не со всеми дарами Герметикона, при каждом удобном случае возвращается в любимое захолустье. И даже их свадьба, на которую съехался весь высший свет Ожерелья и адигенских союзов, состоялась в Даген Туре, а не в парадном Маркополисе.

Пыталась понять, но пока не понимала...

Налюбовавшись владениями и сполна надышавшись свежим воздухом, Кира вернулась в комнату, оставив дверь на балкон открытой – утро выдалось необыкновенно теплым, – и позвонила в колокольчик.

– Доброе утро, адира.

– Доброе утро, Рита, – улыбнулась в ответ девушка, в очередной раз отметив, что классическое адигенское обращение «адира» кажется ей чужим.

– Как вы спали?

– Прекрасно.

– Шоколад и утренняя почта.

– Спасибо, Рита. На этом пока все.

Горничная поставила серебряный поднос на столик и удалилась. Кира уселась в кресло, развернула газету, сделала маленький глоток из тонкой фарфоровой чашки и пробежала взглядом по заголовкам первой полосы.

Главная новость и редакционная статья: «Лингийское Алхимическое общество ОБЯЗАНО отозвать свое оскорбительное предложение!» Статья венчала главный скандал этого лета, связанный с очередным косметическим ремонтом кафедрального собора Доброго Маркуса в Маркополисе. За прошедшие пятьдесят лет камень потемнел, и его почистили, придав собору привычный первоначальный облик. Заурядное, в общем, событие, которое никто бы и не заметил, однако алхимики зачем-то предложили обработать фасад особым раствором, образующим на камне защитную пленку, сказав, что с появлением автомобилей воздух в городе станет грязнее, а пленка поможет сохранить камень в первозданном виде. Предложение вызвало бурю общественного негодования, лейтмотивом которого стал вопрос: «Что вы хотите сотворить с нашим собором?», не очень прагматичный, с точки зрения девушки, зато эмоциональный и понятный всем лингийцам, привыкшим по воскресеньям наведываться в церковь. Сообразив какую глупость лягнули, алхимики немедленно взяли назад, но утихомирить соотечественников им пока не удалось, несмотря на то что Академия Наук и Союз промышленни-

ков попросили их простить. Общественность негодовала, и поползли слухи, что Палата Даров готовит по поводу скандала специальное заявление.

Ретрограды или консерваторы?

Кира давно заметила, что лингийцы с большой неохотой вносят в привычную жизнь изменения, предпочитая неизвестному проверенное. В Даген Тур, к примеру, до сих пор запрещался въезд не только паротягам, что логично: учитывая размеры гигантских паровых тягачей, они попросту не смогли бы проехать по старинным улицам, но и автомобилям, которым члены городского совета не доверяли. А поскольку Помпилио предпочитал не вмешиваться в самоуправление по незначительным поводам, то вопрос оказался отложен лет на десять, что Киру, любившую погонять на спортивных авто, категорически не устраивало.

– Судя по всему, собор Доброго Маркуса останется в первозданном виде, – пробормотала Кира, добавляя в чашку шоколада. – Вы, ребята, скорее алхимию запретите, если решите, что она противоречит вашим убеждениям...

Остальные новости навевали скуку: миротворческая миссия на Кардонии развивается по плану, боевые действия не возобновляются, потому что никто не хочет связываться с объединенным адигенским флотом, слава Доброму Маркусу; дар Владимир официально объявил о беременности своей драгоценной супруги, прекрасной Ии, а поскольку это будет первый ребенок дара Владимира, Лингу ожидает большой праздник, слава Доброму Маркусу; в сферопорту поймали банду грабителей банков с Верзи, сегодня суд вынесет решение: повесить их или отправить на каторгу – результат будет тем же, а мучаться преступникам придется дольше, верзийцы уже сообщили, что их устроит любой вариант, редакция советует злодеев повесить, слава Доброму Маркусу; брачные объявления...

Кира подозревала, что на Линге, особенно в сферопорту, существуют и другие газеты, более современные и привычные ей, но в их с Помпилио милое захолустье с утренним катером прибывали исключительно консервативные новости, слава Доброму Маркусу, причем в незначительном количестве то ли трех, то ли пяти штук: одна газета поступала в замок, вторая – в муниципалитет, где ее исследовал любопытный городской библиотекарь, а остальные – местным жителям. Как подозревала Кира, местные жители подписывались на газеты в складчину, чтобы использовать в качестве источника первоклассных пыжей. Интерес к печатному слову у лингийцев проявлялся, лишь когда информация касалась их лично. К примеру, месяц назад на первой полосе появилось фото Киры, а редакционная статья называлась: «Когда же Кира дер Даген Тур выйдет в свет?» с подзаголовком: «Почему в отсутствие супруга прекрасная адира ведет жизнь затворницы?» В тот день тираж «Лингийского вестника» был раскуплен полностью, и Даген Тур две недели обсуждал статью о супруге мессера.

Весьма неожиданной супруге.

Долгое время Помпилио дер Даген Тур, гордость и любимец Линги, считался самым завидным женихом Герметикона. Породниться с Кахлесаами сочли бы за честь самые родовитые адигенские семьи, и Помпилио с трудом отбивался от намеков и откровенных предложений. Затем появились слухи, что сердце знаменитого путешественника отдано Лилиан дер Ти-Нофаль, заграбийской адигене, не очень знатной, но умной и безупречно красивой, потом Помпилио исчез, был признан погибшим, чудом выжил в страшной катастрофе, а вернувшись, обнаружил любимую замужем. Затем разразился Кардонийский кризис, Лилиан погибла, а Помпилио предложил руку Кире Дагомаро, дочери кардонийского лидера, потерявшей в кризисе и любовь, и отца. Ввел в дом инопланетницу, даже не адигену, но образованную, умную, дерзкую, смелую и обожающую небо. Но если Помпилио предпочитал цеппели, то Кира отдала свое сердце паровингам, огромным летающим лодкам океанического класса, на которых ей довелось служить и воевать.

Выбор Помпилио оказался настолько неожиданным, что его обсуждал весь Герметикон, однако глава рода, дар Антонио Кахлес, четко дал понять, что полностью одобряет решение

младшего брата, и ввел инопланетницу, и даже не адигену, в старинную семью. Слухов и сплетен меньше не стало, интерес к девушке еще больше возрос, и она пряталась от него в глуши Даген Тура: чужаки здесь сразу оказывались на виду, и у журналистов не было шансов побеспокоить Киру. Платой за тишину стала скука, однако девушка справилась с ней, распорядившись доставить на новую родину любимую игрушку.

Огромный паровинг привел невозмутимых лингийцев в полнейшее возбуждение: и сам по себе, будучи невиданной до сих пор машиной, и тем фактом, что супруга мессера с удовольствием копается в кузеле и тяговых двигателях, носит рабочий комбинезон и периодически появляется на людях, вымазанная в масле. Инопланетница, даже не адигена, но очень интересная...

Позавтракав и переодевшись, Кира поспешила к причалу. В коляске, поскольку мотоциклы в Даген Туре тоже находились под запретом, а верховую езду адира не освоила настолько хорошо, чтобы перемещаться по владению без сопровождающих. И, трясясь по булыжной мостовой, Кира привычно размышляла о том, что легенды об абсолютной власти адигенов, которые пересказывали друг другу обитатели республиканских миров, оказались сильно преувеличенными – и это еще мягко сказано, иначе бы ей, супруге родного брата лингийского дара, не пришлось бы подчиняться решениям городского совета, составленного из рыбаков, шахтеров, фермеров, торговцев и библиотекаря.

Однако стоило Кире увидеть паровинг, все прочее перестало иметь значение, остались только они: девушка и летающая лодка, способная унести ее в небо. Кира не раз летала над озером, изумляя лингийцев невозможными для цеппелей воздушными трюками, но сегодня паровинг остался у пристани, поскольку предстояла замена тяжелых «Шурхакенов» на новейшие шестиствольные «Гаттасы», и именно за этим занятием Киру застал Арнольд Жакомо, заслуженный ветеран флота, капитан переданного в распоряжение девушки грузового цеппеля «Дрезе». Капитан появился к полудню, так же приехал в коляске, и прежде чем ступить на борт, с привычным сомнением оглядел покачивающийся на легких волнах паровинг. А отыскав на крыле Киру, церемонно приложил два пальца к козырьку и вежливо произнес:

– Добрый день, адира.

– Добрый день, капитан. – Увидев старика, Кира поднялась на ноги и вытерла руки ветошью. Помогавшие ей механики тоже прекратили работу и отошли к краю крыла, откуда не могли слышать их разговор.

– Как ваши дела? – поинтересовался старик, хотя прекрасно видел и разобранные пулеметные «гнезда», и подготовленное к установке оружие.

– Увеличиваю огневую мощь, капитан.

– Весьма полезное занятие, адира.

– Я тоже так думаю.

Вооружение паровинга состояло из пяти пулеметов: шестиствольного «Гаттаса» в закрытой турели, защищающего машину сверху, и четырех «Шурхакенов» в крыле. Их-то девушка и распорядилась заменить на мощные «Гаттасы». А всю прошлую неделю она устанавливала на машину башню с автоматической тридцатимиллиметровой пушкой «Марту», и потому старик не удержался от вопроса:

– Планируете принять участие в какой-то войне?

– Хочу быть готовой к любому развитию событий, – улыбнулась Кира. – К тому же никто до сих пор не устанавливал «Гаттасы» в крыло.

– Возможно, – не стал спорить старик, намекая, что плохо разбирается в диковинной кардонийской технике. И потрогал стеком тяжелый пулемет. – Но отзывы о «Гаттасах» настолько восторженные, что мессер распорядился заменить «Шурхакены» и на «Дрезе». Мы испытали новое оружие и остались довольны.

– Я испытывала «Гаттасы» в деле, – обронила Кира.

– Я знаю, – обронил старик.

Они помолчали, после чего Жакомо сообщил:

– Ваша знакомая прибудет к ужину. Ее встретят на причале и доставят в замок.

Известие о скором появлении подруги детства привело Киру в восторг: девушке не терпелось встретиться с Сувар, рассказать последние новости, похвастаться модернизированным паровингом, однако ее новое положение – знатной адигены – диктовало правила поведения. Никаких встреч на причале.

– Прекрасно, капитан, я буду ждать Сувар в замке.

– Благодарю, адира.

Старик изобразил улыбку и внимательно посмотрел в сторону.

В свои двадцать четыре Кира обладала превосходной фигурой: стройной, но женственной, с небольшой грудью и округлыми бедрами, а в сочетании с прелестными чертами лица девушка превращалась в настоящий магнит для мужских взглядов. Но поскольку никто из лингвистов даже на секунду не мог позабыть ни о высоком положении Киры, ни о том, что ее супруг достиг вершины Высокого искусства и с гордостью носил титул бамбадао, мужчины старались не рисковать и в присутствии адир Дер Даген Тур часто смотрели в сторону.

Даже старый Жакомо.

На лицо Кира была не менее привлекательна: высокие скулы, тонкие брови, карие, с золотыми искрами глаза, возможно, не очень большие, но яркие, задорно светящиеся, чуть вздернутый носик и полные, манящие губы. Венчали картину густые рыжие волосы, стянутые сейчас в тугую узел.

– У вас есть какие-либо планы на вечер, адира? – вежливо осведомился старик.

– Поскольку приезжает Сувар, то нет, – медленно ответила девушка, прикидывая, успеет ли она закончить перевооружение до ужина. – А в ближайшие дни я не против осуществить наш давно задуманный эксперимент.

– Опасный эксперимент, – обронил старик.

– Я знаю, – согласилась Кира.

Она твердо решила провести испытание новой системы старта в отсутствие супруга и целенаправленно готовилась, заставляя механиков работать допоздна. Впрочем, главная подготовка заключалась в убеждении Жакомо согласиться на безумную выходку.

– Вы обещали, капитан, – напомнила Кира.

– Да, обещал, – подтвердил старик, проклиная себя за слабоволие.

– Если все пройдет хорошо, Помпилио будет очень доволен.

– Если что-то пойдет не так, он меня казнит.

– Если что-то пойдет не так, вы, скорее всего, погибнете.

– Это утешает, – не стал скрывать Жакомо. – Лучше погибнуть, чем столкнуться с яростью Кахлеса.

– Так вы мне можете?

– Разумеется, адира, я ведь обещал.

И они, не сговариваясь, посмотрели на возвышающийся за пределами города элинг, гигантский «домик», выстроенный Помпилио для любимого «Амуша». Колоссальное строение, высота которого превышала пятьдесят метров, а длина – триста пятьдесят, казалось небольшой горой, защищающей Даген Тур от дующих из долины ветров, однако «Дрезе», грузовик капитана Жакомо, был хорошо видим справа, надежно пришвартованный к причальной мачте. Цеппели класса «камион», предназначенные для перевозки грузов на подвесных платформах, отличались поистине невероятными размерами, некоторые из них превосходили даже тяжелые крейсеры, и «Дрезе» при всем желании не мог поместиться в элинг Исследовательского Рейдера.

– Когда вы хотите провести эксперимент, адира?

– Через день или два – мне нужно закончить подготовку.
– Прошу предупредить меня заранее, – попросил старик.
– Разумеется, капитан, – кивнула Кира и совсем не по-адигенски, зато искренне добавила: – Спасибо.

В ответ капитан Жакомо склонился в церемонном поклоне.

* * *

Все сферопорты Герметикона строились по одному плану и тем походили друг на друга: причальное поле, склады, здание вокзала и – самое главное – грандиозная Сфера Шкуровича, выполненный из астрелия маяк, невидимый свет которого указывал астрологам путь через триллионы миль Пустоты.

Сферы Шкуровича устанавливали на всех открываемых планетах экспедиции Астрологического флота, поскольку только алхимики Герметикона умели работать с астрелием и располагали его запасами. Сферы Шкуровича были абсолютно одинаковы и в пограничных мирах, и на планетах Ожерелья. План построения сферопортов был един, однако на развитых планетах они оказывались заставлены причальными мачтами, между которыми прокладывали аккумуляторные дороги. Грузовые цеппели приземлялись на отдельном поле, примыкающем к складской зоне, к которой обязательно подводились железнодорожные пути. Пассажирские корабли швартовались ближе к зданию порта, как правило – красивому и многоэтажному. Но чем беднее мир, тем проще оказывались ворота в него: исчезали причальные мачты и железнодорожные пути, уменьшалось количество этажей главного здания и число складских ангаров, а цеппели становились проще и неряшливее. В сферопорты дальних планет чаще всего заходили грузовики, «купцы» да пассеры третьего класса, владельцы которых плевать хотели на потрепанный внешний вид – они использовали цеппели исключительно для извлечения прибыли, и потому появление на заштатной Уканге красавца ИР – Исследовательского Рейдера – надолго стало для местных жителей темой номер один. Но еще больше их поразило название корабля – «Пытливый амуш», и узнав, что на Укангу действительно зашел цеппель знаменитого Помпилио дер Даген Тура, местные испытали нечто вроде религиозного экстаза, многократно усилившегося после известия о том, что рейдер не собирается уходить сразу, а задержится на несколько дней «для проведения мелкого ремонта». При этом местных не смутило отсутствие на корабле самого Помпилио, объяснять которое капитан Дорофеев посчитал излишним – для слухов было достаточно цеппеля, и уже вечером укангианские сплетники договорились до того, что дер Даген Тур собирается пригласить их планету в богатый Лингийский союз, после чего деньги к ним польются рекой, а делать ничего не нужно. И на этой счастливой ноте местные отправились спать. Что же касается традиционного цепарского гостеприимства, то его попыталась продемонстрировать команда стоявшего под разгрузкой камиона, затеяв с командой «Амуша» «вышибалу» в самом большом трактире сферопорта. И начисто проиграла, поскольку подчиненным дер Даген Тура приходилось тренироваться едва ли не в каждом сферопорту, в который заходил ИР.

И именно с этого инцидента капитан Дорофеев начал совещание.

– Бедокур, утром ко мне приходил шериф.

– Я видел, как этот достойнейший блюститель закона поднимался на борт, капитан, – вежливо отозвался здоровенный шифбетрибсмейстер «Амуша», медленно потирая могучие лапищи и улыбаясь так, словно вспомнил что-то забавное. – Не скажу, что это хорошая примета, особенно при ясной погоде, к счастью, сегодня не вторник... все зависит от того, чем закончился визит.

– Шериф ушел, – вежливо ответил Дорофеев.

– В таком случае влияние его отрицательной ауры оказалось минимальным, – поразмыслив, сделал вывод Бедокур. – Но я все равно поменяю амулет у порога...

В ведении корабельного шифа – шифбетрибсмейстера – находилась вся техника цеппеля: кузель, тяговые двигатели, электрическое хозяйство, механика, гидравлика, рулевое управление, в общем, все, за исключением астринга, пребывающего в ведении астролога, рации, за которой присматривал радист, и алхимической лаборатории. Чира Бедокур головой отвечал перед Помпилио за состояние «Амуша», досконально разбирался во всех тонкостях механики, гидравлики, электрического дела и всего, что ему требовалось для работы, словом, держал цеппель в образцовом порядке. А благодаря гигантскому росту и могучему сложению, способному сделать честь любому медведю, Чира без хлопот справлялся и со второй обязанностью шифбетрибсмейстеров – управлением нижними чинами.

Одевался Бедокур обыкновенно: майка, чистая только по утрам, пока Чира не добирался до машинного отделения, крепкие башмаки, штаны со множеством накладных карманов и рабочий пояс с подсумками. А вот выглядел не совсем обычно: длинные волосы заплетал в бесчисленные косички, украшенные разноцветными веревочками и нитками бус, на широкой груди болтались четыре амулета, а на руках позвякивали браслеты на все случаи жизни: путешествия сделали Чиру суеверным, он внимательно относился к знакам и знал все магические способы защиты от магических способов нападения.

И не только магических.

– Шериф сказал, что, если бы старпом грузовика умер, ты бы так легко не отделался, – сообщил Дорофеев.

– А как легко я отделался? – заинтересовался Бедокур.

– Бабарский? – не глядя на суперкарго, спросил Дорофеев.

Иоахим Христофор Бабарский, которого все называли ИХ, отвечал и за грузы, и за судовую кассу, и за обеспечение цеппеля всем необходимым, и за те переговоры с местными, которые не хотели вести старшие офицеры, в смысле, не хотел вести капитан, поскольку Помпилио дер Даген Тур не часто снисходил до общения с простыми смертными. Бабарский решал проблемы, а благодаря природному обаянию решал их быстро и с неизменной выгодой для «Амуша». При этом внешне суперкарго был полной противоположностью Бедокуру: ростом под сто шестьдесят, полненький, пухленький, с округлым лицом и носом картошкой.

– Шериф хотел пять цехинов штрафа и пять лично себе. Мы сошлись на одном цехине штрафа, и я кое-что доставлю на Фарху. – Бабарский шмыгнул носом. – Боюсь, меня свалит простуда...

И демонстративно покашлял.

Маленький суперкарго кашлял, чихал и жаловался на температуру при каждом удобном случае, и ни один разговор с ним не обходился без рассказа о тяжелых наследственных и приобретенных заболеваниях, вирусах и бактериях, которые сговорились загнать несчастного в могилу. А самым благодарным слушателем Бабарского считался судовой медикус Хасина, который с радостью скармливал суперкарго изобретаемые со скуки микстуры и наблюдал за результатом.

– То есть ты опять взял контрабанду, – понял Дорофеев.

– Я должен заботиться о наполнении судовой кассы, – вздохнул ИХ. – И о том, чтобы кое-кто из здесь присутствующих не оказался в тюрьме.

– Они первые начали, – заметил Чира.

– Они всегда начинают первыми, – кивнул Бабарский. – А ты вечно попадаешь в полицию.

– Не в этот раз, – сказал Бедокур и отвернулся, продемонстрировав обиду.

– Что касается цехина, – как ни в чем не бывало продолжил Дорофеев, – заплатим его из судовой кассы. В конце концов, они действительно начали первыми.

- Спасибо, капитан, – с чувством произнес Чира.
- Опять убытки, – не удержался ИХ.
- Будем считать это транспортными расходами.
- Оспаривать решение капитана никто не стал.

Базза Дорофеев был единственным офицером ИР, который всегда – абсолютно всегда! – носил форму, темно-синий повседневный мундир офицера Астрологического флота, пребывающий, разумеется, в идеальном состоянии. Капитан не отличался высоким ростом, но был плотен, крепок и держался с такой властью, что любой человек с первого взгляда определял, кто на цеппеле главный. Причем в присутствии Помпилио мало что менялось: дер Даген Тур никогда не оспаривал принятые капитаном решения и не отдавал ему приказы. Приказным тоном.

А наилучшим образом их взаимоотношения характеризовал тот факт, что капитан Дорофеев был единственным во всем Герметиконе человеком, которому Помпилио говорил «вы».

А самого Дорофеева наилучшим образом отличал жуткого вида шрам, обезобразивший левую сторону лица Баззы и придающий ему устрашающий вид. Шрам Дорофеев заработал во время знаменитого штурма Бреннана, тогда же едва не потерял голову, но Помпилио оценил умелые действия самого молодого пиратского адмирала, добился для него помилования и сделал капитаном «Пытливой амуши».

– Теперь поговорим о том, для чего я вас собрал, – негромко произнес Дорофеев. – Завтра на рассвете мы покидаем сферопорт, чтобы к полудню выйти к точке перехода на Фарху.

– Прекрасная новость, – одобрительно кашлянул ИХ. – У меня от местного климата начинается неконтролируемое сведение мышц и колики.

– Можно подумать, на Фархе тебе станет лучше, – ядовито пробубнил Чира.

– Лучше не станет, скорее – хуже, – с печалью ответил Бабарский. – Я слышал, в фархианском воздухе присутствует много ядовитой пыли.

– Я хочу выслушать доклады о готовности к походу. – Голос Баззы стал прохладным. – Бабарский?

– У меня все готово, – кивнул ИХ и в подтверждение своих слов громко чихнул.

– Уточни.

– Пища, вода, боеприпасы...

– Груз?

– Здесь нечего брать, капитан, нищий мир, бессмысленный... – Бабарский потрогал себя в районе сердца, вздохнул и закончил: – К счастью, шериф рассказал мне о замечательных местных изумрудах...

Каким бы «бессмысленным» ни был мир, суперкарго всегда отыскивал возможность извлечения прибыли.

– Много взял?

– Самую малость. Только чтобы оплатить эту экспедицию и вытащить Бедокура из кутузки.

– Я не был в кутузке!

– Не перебивай меня во время доклада, – потребовал ИХ и вновь повернулся к капитану. – Суперкарго к походу готов.

– Хорошо, – одобрительно кивнул Дорофеев. – Бедокур?

– Приметы нам благоволят, капитан: утром я видел двух птиц, летящих с запада на восток, вчера после полудня прошел дождь, и никто из обиженных не умер. Можно отправляться.

Базза давно привык к своему шифу, поэтому никак не прокомментировал его слова, а лишь вопросительно поднял брови.

– Техническое состояние «Амуша» удовлетворительное, – деловым тоном сообщил Чира. – Кузель в полном порядке, тяговые двигатели исправны, гидравлические системы...

– Поверю на слово, – кивнул Дорофеев. – И прошу провести дополнительную проверку оружия. Мессер уверен, что затеянная им экспедиция абсолютно безопасна, но вы знаете мои принципы...

– Мы не приходим в гости безоружными.

– Верно.

Исследовательские рейдеры строили по чертежам импакто, но ради скорости снимали с них основные боевые системы.

– Я проведу дополнительную проверку, – кивнул Бедокур.

– Вот и хорошо.

В действительности служб на цеппеле было намного больше. На совещании не присутствовал алхимик Мерса, но по уважительной причине: он вторые сутки занимался снаряжением боеприпасов для арсенала Помпилио, и Дорофеев решил его не беспокоить. К тому же, зная скрупулезность алхимика, капитан не сомневался, что у Мерсы все в порядке.

Не явился и Галилей Квадрига, но он никогда не являлся. Как все астрологи, Галилей был немного не в себе, но ему, как, впрочем, и всем астрологам, многое прощалось.

– В таком случае, синьоры, совещание закончено, – подвел итог Дорофеев. – Завтра нас ждет Фарха.

* * *

Герметикон занимал мизерную часть Вселенной в одном из рукавов не самой большой галактики, но при этом был невероятно, немыслимо огромен, как свидетельствовали постоянно обновляемые Астрологические атласы, описывающие тысячи звездных систем, изученных с помощью телескопов и экспедиций. Каждая новая пригодная для жизни планета открывала перед человечеством новые перспективы, приближая звезды, до которых еще вчера было не дотянуться. Голубые гиганты и белые карлики, молодые и угасающие, отчетливо видные и прячущиеся в туманностях... не каждая звезда могла похвастаться пригодной для жизни планетой, но за сотни лет экспансии люди заселили десятки миров. Однако далеко не все они сумели превратиться в развитые планеты, способные не только обеспечивать себя, но и торговать с другими системами. И причин тут было множество. На одних мирах, как, например, на Лусте, не было найдено ничего интересного: ни полезных ископаемых, ни минералов, ни ценных пород дерева или особенных растений – ничего, что оправдало бы затраты на перевозку; иногда мешал климат: на Уфире оказалось слишком холодно, а на Скрале дули настолько сильные ветры, что цеппели могли летать там лишь три месяца в году. Но большинству миров банально не хватало населения, и особенно – грамотного населения, способного провести детальное исследование планеты и отыскать какой-нибудь уникальный товар. Образованные люди – картографы, биологи, геологи, алхимики... – требовались везде, до границ Герметикона они добирались не часто, как правило, в составе экспедиций, и потому многие планеты еще хранили свои тайны, чтобы в будущем стать подлинными «жемчужинами». Возможно – в очень далеком будущем. А пока их малочисленные обитатели вели замкнутую и, увы, не всегда спокойную жизнь.

Потому что именно такие миры привлекали тех, кто пребывал не в ладах с законом.

На окраине обитаемой Вселенной можно было повстречать не только исследовательские цеппели Астрологического флота и частных экспедиций, но и контрабандистов, наемников, пиратов и даже работоторговцев. Серьезные армии на бедных планетах отсутствовали, сферпорты защищались слабо, а контроль за приходящими цеппелями велся спустя рукава. И

Фарха, небогатый мир на окраине Южного Бисера, до недавнего времени был одной из подобных планет.

Малонаселенная, малоизученная, покрытая бескрайними лесами гигантских мегатагенов Фарха долгое время прозябала в забвении, не интересная абсолютно никому. Однако, отыскав свой уникальный товар – плотную, дающую необычайный розовый оттенок сердцевину мегатагенов, – стала развиваться, и теперь ее население перевалило за двести тысяч человек, что, по меркам граничных миров, считалось великолепным достижением. При этом фархианцы заселили меньше половины одного из четырех континентов, вырубали те леса, до которых могли дотянуться, и планета превратилась в весьма удобный мир: с одной стороны, большая часть огромных пространств никак не контролировалась властями, с другой – на Фарху стали часто заходить цеппели, и в сферопорту давно перестали удивляться новым кораблям. Особенно приходящим не в первый раз.

Как, например, торговый цеппель «Белый парнатур» под флагом Ямны, который вышел из перехода примерно в три часа ночи и чей радист законопослушно сообщил на землю, что приземляться в порту не будет, чтобы не терять время. А поскольку этот «купец» появлялся на Фархе достаточно часто, таможенники махнули на подобное нарушение рукой и лишь пожурили цепаря за то, что он их разбудил.

«Парнатур» отправился на север, но, отойдя от сферопорта на пятьдесят лиг, повернул на запад, через семь часов хода на крейсерской скорости достиг океана и еще пять часов двигался над ним, добравшись наконец до расположенной на соседнем континенте колонии спорки. Пересек довольно большой залив и остановился над безымянным островом, на котором несколько месяцев назад появился пиратский лагерь: большой дом капитана Мааздука, казарма, она же – кабак, она же – игорный дом – для его подчиненных, склады и мастерские.

Изначально Ричард Мааздук планировал разместиться рядом с колонией, но спорки отказались от соседства с опасными людьми.

К причальной мачте был пришвартован импакто «Орлан», «сигару» которого украшал герб Скурийской республики – алый факел на черном, с серебряными насечками, щите. Второй мачты на острове не было, однако наземная команда знала свое дело и, захватив сброшенные с «Парнатура» швартовы, быстро прижала корабль к земле, а прибывший на поле Мааздук лично встретил его хозяйку – черноволосую женщину в изящном темно-синем иоле – традиционном одеянии ведьм спорки, вышедшую из корабля в сопровождении четырех вооруженных телохранителей. Лично встретил и очень почтительно поприветствовал, не забыв поясной поклон, обязательный при встрече ведьмы столь высокого ранга. Затем проводил гостью в дом, и только здесь, на террасе, где их никто не мог подслушать, Ричард смог слегка расслабиться.

– Добрый день, синьора Тайра.

– Рада тебя видеть, Огнедел.

При посторонних ведьма никогда не называла собеседника именем, которое они тщательно скрывали.

В ответ Ричард улыбнулся и машинально ощупал взглядом фигуру ведьмы. Не то чтобы у него были какие-то виды, просто Мааздук знал, что Тайре нравятся мужские взгляды. Да и посмотреть было на что. Ведьма не могла похвастаться длинными ногами или большой грудью, была невысокой, плотной, но подтянутой. Опиши такую словами – мало кто заинтересуется, однако Тайра умела подать себя, и ее женственная фигура, окутанная нежным темно-синим шелком, всегда приковывала внимание окружающих.

– Как твои дела?

– Неплохо. Вина?

– Я хочу белого.

– Конечно.

Он поднялся с кресла, в котором успел удобно устроиться, наполнил два бокала, вернул бутылку в ведро со льдом и подал угощение собеседнице.

– Вы превосходно выглядите, синьора.

– Благодарю.

На фоне легкого, если не сказать – игривого наряда Тайры выправка Мааздука была особенно заметна и выдавала бывшего офицера. Что подтверждалось атлетической фигурой, повелительной манерой строить фразы и тем, как легко и непринужденно Огнедел встал во главе «Орлана». Команду Ричард собрал из редкостных негодяев, но порядок на борту установил железный, и Тайра знала, что выучкой команда ее личного пирата превосходила даже военных ямнийского флота. Но при этом Мааздук обладал совершенно «не командирским» голосом: глухим и не зычным, как будто надорванным.

– Когда появится Помпилио? – негромко осведомилась Тайра, пригубив вина. Холодного и совсем несладкого – именно такое белое она любила.

– Он уже здесь, – ответил Огнедел, глядя на ведьму поверх бокала. – На Фархе.

– Где именно?

– Сегодня Помпилио покинул Гейтсбург и направился в Фоксвилль.

– То есть я опаздываю?

– Нет. Если вы вылетите сегодня в ночь, то прибудете в Фоксвилль примерно в то же время, что и Помпилио.

– А если нас что-нибудь задержит? Встречный ветер, например? – Чувствовалось, что Тайра очень хочет добраться до адигена и раздосадована тем, что потратила время на визит в колонию.

– Помпилио будет ждать вас столько, сколько потребуется, синьора, – успокоил ведьму Огнедел. – В конец концов, он ведь уже здесь.

Бросил все и прилетел на пограничную планету, попавшись на простейшую наживку: обещание выдать ему злейшего врага. Прилетел один, таким было условие, однако и Ричард, и Тайра понимали, что Помпилио умен и осторожен, и потребовали, чтобы он отправился в Фоксвилль по земле, в сопровождении местных проводников, желая убедиться, что адигена действительно никто не сопровождает. И убедились.

– Разведчики доложили, что Помпилио в точности выполняет инструкции, – сообщил Огнедел.

– Это хорошо... – Тайра с удовольствием посмотрела на запотевший бокал. – Я до сих пор не верю, что мы заманили его в ловушку одним-единственным письмом.

– Помпилио самонадеян.

– Но он не идиот.

– Нет, конечно. Однако жажда мести туманит ему голову.

– При этом Помпилио не забывает о главном правиле мести, – заметила ведьма.

– О каком? – не понял Ричард.

– Остаться в живых, – улыбнулась Тайра. – Помпилио вел расследование в Унигарте, все время оставаясь на глазах Винчера Дагомаро, вел расследование против него, но канцлер ничего не мог поделать, потому что Помпилио день и ночь защищали телохранители его брата, дара Антонио.

– Я помню нашу договоренность, – сухо ответил Огнедел. – Если на Фарху явятся лингийские крейсера, я немедленно покину планету.

– Хорошо...

Однако Мааздук позволил себе перебить женщину:

– Но я убежден, что на этот раз Помпилио не обратился к брату. Он прилагает колоссальные усилия, ему помогают все дары Герметикона, его требования безропотно выполняет

Омут, но он не может меня поймать. Помпилио в ярости и отчаянии. Он догадывается, что наше письмо может оказаться ловушкой, но ухватился за шанс добраться до меня.

Ведьма кивнула и осведомилась:

– Что «Амуш»?

– По моим оценкам, ИР прибудет на Фарху послезавтра, – немедленно ответил Ричард.

– И?

– Я позаботился о том, чтобы ИР встретили.

– Надеюсь, ты подобрал надежных исполнителей?

– Я нашел лучших исполнителей, – уверил ведьму Мааздук. – Это крепкие, уверенные в себе парни, готовые взяться за любое дело.

– Они не испугаются, узнав, на кого придется напасть?

– Уже не испугались, – ответил Огнедел.

– То есть они узнали, что нужно уничтожить самый знаменитый ИР Герметикона, и все равно согласились? – В голосе ведьмы послышалось удивление. А в следующий миг она догадалась: – Ты отправил за «Амушем» Рубаку?

– Это самое лучшее, что у меня есть, – пожал плечами Ричард и вальяжно добавил: – Глупо привлекать кого-то со стороны.

– Пожалуй... – протянула Тайра. – Пожалуй, ты прав.

– Я часто бываю прав, – проворчал Огнедел и одним глотком допил вино.

Фигурой он походил на офицера, атлета, а вот в чертах лица Ричарда не было ничего благородного. Лицом он был груб и карикатурно массивен: чересчур выпуклый лоб, чрезмерно большой нос, неприятные уши и толстые губы. А глаза – маленькие, спрятавшиеся в глубоко запавших глазницах. Ричард не был красавцем, но мало того – на его отталкивающие черты наложилось полное отсутствие мимики, что привело к ужасному результату: лицо Мааздука напоминало безжизненную маску. Забыть получившийся образ было необычайно трудно, и хирургам спорки пришлось крепко постараться, чтобы хоть чуть-чуть изменить человека, за которым гонялась вся полиция Герметикона. Огнедел отпустил усы, редко снимал черные очки и носил парик. А главное – редко покидал пограничные миры.

Что же касается их отношений с Тайрой, в них сохранялась дистанция, определенная ведьмой при самой первой встрече. Они виделись нечасто и скрытно, а дела Мааздук вел от своего имени, не выдавая стоящих за ним спорки. Дистанция сохранялась, однако повседневные отношения стали чуть более свободными.

– Признаться, я до сих пор не понимаю, почему вы решили принять личное участие в моей маленькой забаве, – произнес Мааздук, поднимаясь и вновь наполняя бокалы.

– Я объясняла, – улыбнулась Тайра.

И прищурилась на солнце. Дневная жара спала, и теперь оно дарило приятное тепло, дивно сочетающееся со свежим морским ветром. Взяв бокал, ведьма поставила его на столик и потянулась, напомнив Огнеделу довольную кошку.

– Я помню наше обсуждение, – кивнул пират, равнодушно разглядывая ведьму. – Но все равно не понимаю.

– То есть себя ты понимаешь? – притворно удивилась Тайра. – Ты рискуешь всем ради мести. Разве это разумно?

– Отомстив, я обрету свободу.

– За тобой все равно будут гоняться.

– Помпилио будет гоняться за мной до самой смерти, а остальные скоро устанут, – объяснил Ричард. – Адигены не станут убивать всех, кто мне помогает, постепенно перестанут жестоко давить на Омут – ведь исчезнет тот, кто заставляет их давить, – и в конце концов мы вернемся к старым добрым временам, когда я был просто Огнеделом, а не злейшим врагом самого известного адигена Герметикона. Жизнь снова станет прекрасной.

– Что тебе не нравится в нынешнем положении?

– Соскучился по цивилизации, – честно ответил Огнедел. – Хочу в большой город, хочу автомобиль, театр, свежую газету, пройтись по улице... Даже колокольный звон хочу – потому что давно не слышал. К тому же меня приводит в бешенство тот факт, что изгнание – не мой выбор. Я вынужден прятаться и больше всего на свете хочу это изменить. – Он помолчал, сообразил, как прозвучал его неожиданный монолог, и добавил: – Но мы все равно останемся друзьями, Тайра, просто я стану чуть свободнее.

– Я прекрасно понимаю твои чувства, – помолчав, произнесла ведьма. – Ты слишком силен для клетки.

– Спасибо.

Она чуть склонила голову, принимая благодарность, и продолжила:

– Как видишь, я не мешаю тебе строить планы мести... и осуществлять их. Несмотря на опасность, которую таит твое желание для нашего общего дела.

– Если все пройдет успешно...

– Если... – эхом прошелестела Тайра. – Если...

Мааздук сдержал грубое ругательство, прекрасно понимая, что допусти он хоть намек на невежливость – в лучшем случае придется долго и униженно извиняться, и кивнул:

– Риск есть.

– Главный риск в том, что тебе недостаточно просто убить врага.

– Я хочу сделать его несчастным, – согласился Огнедел. – Я порвал ему душу однажды – порву еще раз. Мне доставляет невыносимое наслаждение наблюдать за его страданиями. Я...

Он осекся, перехватив очень странный взгляд ведьмы, и усмехнулся:

– Я кажусь сумасшедшим?

– С самой первой минуты нашего знакомства, – не стала отрицать Тайра.

– Ну, в общем, я не особенно скрываю свое безумие, – рассмеялся Ричард. – Но меня угнетает, когда другие относятся к нему без понимания.

– Мы оба знаем, что я тебя понимаю едва ли не лучше всех.

– В этом вы правы, синьора.

– Я всегда права.

Он вежливо промолчал, но не позволил паузе затянуться до оскорбительного предела.

– И все-таки, почему вы хотите лично захватить Помпилио?

– Захватить, а потом убить, – уточнила ведьма.

– Не сразу, – напомнил Мааздук. – Он нужен мне здесь. А вы...

– Я сделаю так, как обещала, – медленно ответила Тайра. – Сначала я задам ему несколько важных для себя вопросов, а потом расплачусь по старым счетам. В твоём присутствии.

– Когда он успел так сильно вам нагадить? – поднял брови Ричард.

– Успел.

– Вы ничего об этом не рассказываете.

– Маленькое личное дело... – Она задумчиво повертела в руке бокал, вернула его на столик, поднялась, заставив Огнедела сделать то же самое, подошла к грубым деревянным перилам террасы, положила на них руки и, глядя на океан, улыбнулась: – Жди, Огнедел, скоро твой злейший враг будет мертв.

* * *

Окажись Помпилио на любой другой планете, он бы ни за что не остановил выбор на мотоцикле и постарался захватить для бегства лошадь. Лошадь надежна, поскольку знаешь, чего от нее ждать, лошадь пройдет там, где застрянет даже мотоцикл, для лошади всегда есть под рукой топливо, достаточно ее стреножить и отправить пастись. Другими словами, на

неосвоенных или малоосвоенных планетах лошадь – это первое, о чем должен думать беглец, но Фоксвилль окружали бескрайние мегатагеновые леса, и это обстоятельство делало шумный, воняющий нефой и непредсказуемый мотоциклет предпочтительнее. Гигантские, поднимающиеся на сто метров к небу мегатагены создавали мощную переплетенную крону – зеленую крышу, поддерживаемую высоченными столбами. Света и тепла сквозь нее проходило не очень много, и земля у подножия невероятных деревьев была плотной и сухой, с чахлой травой да невысокими кустами. Земля прекрасно подходила для поездок на мотоциклете, и Помпилио сумел оторваться от преследователей. Но адиген прекрасно понимал, что первая оторопь уже прошла, нападающие покинули Фоксвилль и понукаемый галанитом констебль обязательно устроит поиски по всем правилам, в том числе – на мотоциклетах и автомобилях. Возможно, с применением цеппелей. Местность они знают намного лучше, исход погони предсказуем, поэтому нужно взять паузу и подумать, что делать дальше.

Помпилио плавно надавил на тормоз, остановил мотоциклет, прислушался, убедился, что преследователи действительно далеко, слез с седла и прошелся, с удовольствием разминаясь и вдыхая прохладный воздух. Затем извлек из седельной кобуры карабин, оказавшийся неплохим, по меркам пограничных миров, «Карбю», однако Помпилио, привыкший к лучшему оружию Герметикона, осмотрел карабин без восторга. Вытащил магазин, поморщился, увидев, что осталось всего три патрона, проверил ствол, убедился, что прежний владелец не увлекался его чисткой, поморщился еще раз, приставил карабин к стволу и занялся мотоциклетом.

В первую очередь его интересовало топливо. Поскольку Фарха была планетой не особенно цивилизованной, каждая машина в обязательном порядке снабжалась канистрой с его запасом, и на мотоциклете она, к счастью, не пустовала. В баке оставалось больше половины, тем не менее Помпилио заполнил его до отказа, после чего перешел к изучению седельной сумки, обнаружив в ней аптечку, флягу с водой, три банки консервов и запасные патроны, к сожалению, не к «Карбю», а к пистолету. А поскольку само оружие отсутствовало, патроны оказались ненужными.

Закончив осмотр, Помпилио вскрыл ножом жестянку с мясом, уселся на землю, развернул карту и задумался, изучая местность, где ему предстояло играть в «кошки-мышки».

///

Никогда раньше лес не казался констеблю настолько чужим и враждебным. Тот самый лес, в котором Дребренди вырос и который знал с детства. В который бегал играть с друзьями, в котором потом работал, помогая отцу на лесопилке, а теперь присматривал за порядком. Констебль знал лес как свои пять пальцев и любил его, иногда, когда был один, ложился на спину и долго любовался видом неба сквозь плотную зеленую крону. Умел выживать, знал, как поймать птицу без оружия и как избавиться от хищника. Умел все. Мегатагеновый лес был для Дребренди родным домом, однако сейчас он боялся его до колик. И все остальные парни нервничали. Но они просто нервничали, как всегда бывало при поиске опасного преступника, а констебль именно боялся, потому что, в отличие от помощников, точно знал, за кем они идут: за бамбадао. За тем, кто способен прострелить человеку голову, ориентируясь лишь на запах или едва уловимый шорох. За тем, кто довел Искусство достижения цели до совершенства. Кто ухитрился сбежать с виселицы и теперь, явно недовольный, поджидал их где-то в лесу.

И лес стал для Дребренди чужим.

Разведчики бросились в погоню на мотоциклетах, констебль задержался, формируя команду, и теперь ехал следом на небольшом грузовике, в кузове которого сидело шестеро надежных парней. Плюс он и водитель. Плюс трое разведчиков.

Но все равно, кажется, мало.

Да еще неизвестный цеппель... После нападения на Фоксвилль корабль ушел, однако Дребренди не сомневался в том, что он болтается поблизости и тоже высматривает беглеца. И сидящие в нем парни наверняка нападут, если он схватит Помпилио.

«А может, позволить им встретиться? Пусть парни с цеппеля захватят бамбадао, который явно этого не хочет, и подохнут? А мы останемся в стороне...»

Это был бы идеальный выход из положения, но, увы, невозможный, поскольку директор Фактории распорядился догнать и обязательно убить адигена. А противиться Спесирчику констебль не мог.

«Он во всем виноват!»

Заставил схватить брата лингийского дара, а когда не удалось его повесить – сбежал, отказавшись преследовать Помпилио.

«Конечно! Галанит не дурак, чтобы связываться с бамбадао...»

Дребренди хотел выругаться – громко и с чувством, – но водитель указал на появившегося вдали мотоциклиста:

– Это Гас!

И стал сбрасывать скорость.

Гас был разведчиком и прибыл со свежими новостями:

– Мы нашли место, где он бросил мотоциклет.

И сидящие в кузове парни заулыбались, поскольку пешком в мегатагеновом лесу делать нечего. Впрочем, заулыбались не все.

– Мотоциклет цел? – спросил Терри, владелец угнанной машины.

– Вроде да, – кивнул Гас.

– Если он его сломал – убью!

– Сколько в мотоциклете было топлива? – прищурился констебль.

– Полный бак и запасная канистра, – тут же ответил Терри. – Я собирался ехать на лесопилку Мэнни.

– То есть топлива в мотоциклете было изрядно, – прикинул Дребренди. – Он мог бы проехать еще много лиг.

– К чему ты клонишь? – не понял Гас.

– К тому, – вздохнул констебль, – что он остановился не потому, что не мог ехать дальше. А устроил засаду.

И в следующий миг, подтверждая слова Дребренди, спереди донесся полный страха крик, а затем – выстрел.

///

Хоэкунс, или Высокое Искусство Достижения Цели, связывал человека и оружие миллиардами невидимых нитей, как физических, так и духовных, однако был намного глубже, чем представлялось подавляющему большинству обитателей Герметикона. Люди считали, что бамбальеро – так называли адептов Высокого Искусства – представляют собой уникально тренированных стрелков, способных решить исход любого сражения и непобедимых в дуэли, но в действительности бамбальеро учили не убивать, а достигать цели. В том числе – посылая в эту цель пулю. Но не только.

Далеко не только.

Помпилио не требовалось убивать всех бедолаг, чтобы оторваться от погони. По сути, ему вообще не требовалось никого убивать. Адиген прекрасно понимал, что спутники констебля понятия не имеют, с кем связались, и бой – даже с учетом того, что у него осталось всего три патрона, – превратится в бойню. С другой стороны, он отдавал себе отчет в том,

что его шадить никто не станет и преследователи откроют огонь при первой возможности. И придется их всех убить.

А значит, нужно придумать такой способ достижения цели, который не приведет к кровопролитию.

И Помпилио его придумал: привлек внимание разведчиков, бросив мотоциклет на видном месте, дождался, когда они отправят гонца к основной группе, и атаковал оставшихся. Эти парни, как все на Фархе, выросли в лесу, были настоящими следопытами и могли бы стать отличными разведчиками в любой армии, но чтобы превзойти Помпилио, им требовалось чуть больше: несколько лет жесточайших, до кровавого пота и нервных судорог, тренировок в Химмельсгартне под руководством учителей, которые плевать хотели на то, чей ты сын – плотника или дара, целью которых было довести тебя до совершенства. Или до сумасшествия. Помпилио свой путь прошел, потом закрепил навыки в бесчисленных путешествиях на неосвоенные планеты, отточил до абсолюта в нескольких сражениях, в которых принимал участие в качестве офицера лингийской армии, и шансов у двух провинциалов не было. Адиген подкрался сзади, отключил ударами приклада, связал, забрал оружие, быстро привел в негодность мотоциклеты, прислушался, убедившись, что основной отряд остановился, после чего издал крик ужаса и выстрелил в воздух.

И бросился навстречу преследователям, потому что счет пошел на секунды.

///

Констебль понимал, что нужно бежать и как можно скорее. Приказать развернуться и покинуть ставший чужим лес, но страх перед галанитом заставил его медлить.

– Узнали, кто кричал? – спросил он у парней.

Те покачали головами:

– Нет.

А глупый Фриц добавил:

– Перед смертью крики похожи.

И боевой дух, и так невысокий, начал сдвигаться в сторону отрицательных значений. Терри сплюнул и отвернулся. У Гаса, похоже, задрожали губы. А умный водитель предложил:

– Может, я съезжу за подмогой?

За что удостоился презрительных взглядов. При этом каждый кинувший взгляд подумал, что не прочь сам усесться за баранку.

– Нас шестеро, – сглотнув, произнес Дребренди, но Гас его перебил:

– А их было двое.

– Всего двое.

– Констебль, может, скажешь, за кем мы охотимся? – спросил Терри.

– Я...

Дребренди оглядел парней и понял, что больше не имеет права скрывать от них правду. Но и признаваться в том, что собирался повесить, а теперь преследует самого известного адигена Герметикона, Дребренди не собирался и быстренько соорудил удобоваримую ложь:

– Когда мы повели парня к виселице, он сказал, что бамбальеро...

– И вы молчали? – выдохнул водитель.

– Святой Пелле, бамбальеро... Мы все умрем... – Гас всхлипнул.

И констебль признался себе, что недооценил репутацию, которую Хоэкунс имел среди добрых жителей Фоксвилля.

– Нужно уезжать, – сказал водитель.

– Если он нас отпустит, – мрачно буркнул Терри.

– Что он нам сделает? – хрипло спросил водитель. – Садимся и уезжаем, он нас не догонит. Его учили стрелять, а не бегать.

– А как же парни? – опомнился Гас, но его никто не слушал: разведчиков считали мертвыми.

– Вот именно: стрелять, – выдохнул Терри. – Бамбальеро не промахиваются.

– Я бью белку в глаз, – буркнул констебль.

– Белки не стреляют в ответ.

И в этот миг раздался зычный голос:

– Вы меня слышите?

И все вновь изменилось.

Дребренди и его парни были охотниками, прекрасно поняли, откуда прилетел вопрос, повернулись в правильную сторону, но ни один из них – ни один! – не поднял винтовку. Не обозначил желания посостязаться с адептом Высокого Искусства в умении стрелять.

– Чего ты хочешь?! – крикнул в ответ констебль.

– Положите оружие и отойдите от грузовика на сто шагов, – велел адиген. – Я заберу машину и уеду. Никто не пострадает.

– А мы?

– Кто-то поедет на мотоцикле, кто-то пойдет пешком, но к вечеру вы все будете в Фоксвилле. Живыми.

Последнее замечание прозвучало намеком, который все прекрасно поняли. Однако Дребренди попытался поторговаться, чтобы иметь возможность сообщить га-ланиту, что боролся до конца:

– Нас больше!

– И что? – любопытствовал в ответ Помпилио.

Спутники тоже отметились вопросительными взглядами, не понимая, чего констебль хотел добиться своим сообщением, и на этом торговля прекратилась.

– Вас восемь, – продолжил адиген. – Мне нужно шесть патронов, чтобы никто из вас не вернулся домой. Доказать?

– Нет, не надо доказывать! – закричал Гас. – Мы не знали, кто ты!

– Тогда кладите оружие на землю и отходите от грузовика. – Помпилио зевнул. – Мне некогда.

* * *

– Прошу провести коррекцию курса, – громко произнес Галилей Квадрига, отрываясь от разложенных на рабочем столе карт.

– Рулевой, провести коррекцию курса, – распорядился Дорофеев, продолжая смотреть в лобовое окно. – Юго-юго-восток, – сообщил Квадрига.

– Юго-юго-восток.

– Есть юго-юго-восток, – подтвердил рулевой.

– Скорость? – поинтересовался капитан.

– Пятьдесят лиг в час.

– Значит, через тридцать минут придем в точку, – хрюкнул Квадрига.

«Пытливый амуш» считался самым быстрым цеппелем Герметикона и считался заслуженно. Во-первых, потому что он был ИР, а все корабли этого класса могли похвастать высокой скоростью, во-вторых, потому что Помпилио хотел летать на самом быстром цеппеле Герметикона, внимательно изучал все технические новинки и постоянно модернизировал корабль. В результате «Амуш» превосходил даже «одноклассников» и мог развивать колоссальную для

цеппелей скорость в девяносто лиг в час, а при попутном ветре – до ста. Однако сейчас Дорофеев никуда не торопился.

– Наверное, пойду в астринг, – произнес Квадрига, отрываясь от карты.

И вопросительно посмотрел на капитана, тот ответил выразительным взглядом, но промолчал.

– Или, пожалуй, дождусь, когда мы встанем в точке перехода, – изменил планы астролог.

Как, собственно, требовал Устав.

– Спасибо, Галилей.

– Да, капитан.

Корабельным астрологам всегда позволялось чуть больше, чем остальным членам команды: из-за их умения смотреть сквозь Пустоту и противостоять ужасам, которые они в ней видели. Астрологи вели цеппели от звезды к звезде, пронзая немислимые пространства взглядом, а точнее – собой, и в ответ Пустота пронзала их, медленно, но неотвратимо превращая в наркоманов или в сумасшедших, или – в сумасшедших наркоманов. Астрологи часто кончали с собой, считались главными клиентами ведьм спорки и лучшими в Герметиконе экспертами наркотических препаратов. Они не жили долго, но каждый из них выбрал свой путь добровольно, сжигая себя ради невозможного, непонятного людям общения с Пустотой.

Убедившись, что Квадрига вернулся за рабочий стол, Дорофеев одернул китель и громко объявил:

– Внимание, капитан покидает мостик, командование принимает астролог.

– Есть командование принимает астролог, – эхом отозвался рулевой.

Квадрига кивнул, но ответил как положено:

– Есть! – и даже выпрямился, оторвавшись от стола.

Дорофеев подбодрил его коротким кивком, вышел в коридор длинной гондолы, в которой размещались офицерские каюты и некоторые рабочие помещения, постучал в дверь алхимической лаборатории, приоткрыл ее, вежливо спросил:

– Позволите? – И, не дожидаясь ответа, вошел. – Я не помешал?

– Ни в коем случае, – отрывисто бросил алхимик, но по выражению его лица было видно, что появление капитана Мерсу не обрадовало.

– Вижу, вы заняты...

– Совершенно верно.

– Но я хочу слышать отчет.

Мерса на мгновение нахмурился, словно подбирая подходящее ругательство, после чего сообщил:

– Алхимическая служба к походу готова... как всегда.

Судя по некоторой резкости ответа, сейчас перед Дорофеевым стоял Олли, одна из двух ипостасей алхимика, а не Энди, а для Олли подобное поведение было допустимым, поэтому делать замечание Базза не стал, а обратился ко второму присутствующему в лаборатории мужчине:

– Аксель.

– Капитан.

– Чем занимаетесь?

– Помогаю Олли в производстве.

И Помпилио, и старший помощник недолюбливали покупные боеприпасы, а обращались за ними к корабельному алхимику. Мерса, в свою очередь, мог изготовить патроны любой сложности и под любое оружие, и это было далеко не главным из его умений.

– Аксель, вы не могли бы уделить мне немного времени?

– Разумеется, капитан.

– Прекрасно... – Дорофеев открыл дверь, но задержался: – Олли, скоро переход. Будьте добры явиться в кают-компанию до подачи звукового сигнала.

Алхимик вновь выдержал паузу, но вновь ответил не так, как собирался:

– Да, капитан, я как раз заканчиваю.

– Вот и хорошо.

Базза рассчитывал, что старший помощник направится в кают-компанию, но Аксель открыл дверь своей каюты и извинился:

– Я на минуту.

– Можем поговорить у вас, – пожал плечами Дорофеев.

– В таком случае – прошу.

Несмотря на положение старшего помощника, каюта Крачина ничем не отличалась от кают остальных офицеров и представляла собой довольно большую комнату с гардеробной и туалетным отделением. Одна из стен была полностью отдана под книжные полки, а над кроватью Акселя располагались плоские витрины с боевыми защитными масками – Крачин собирал коллекцию больше десяти лет и был обладателем сотни самых разных артефактов: плоских, похожих на забрало рыцарского шлема и копирующих лицо человека, изображающих известных зверей или фантастических чудовищ, черных, зеркальных и раскрашенных яркими, иногда флуоресцирующими цветами. Защита лица была популярна среди военных некоторых планет, в число которых входила Эрси, где до недавнего времени служил Крачин.

Войдя в каюту, Аксель открыл одну из витрин и вернул на место принесенную из лаборатории маску.

– Я попросил Мерсу нанести дополнительное покрытие, – объяснил он, перехватив взгляд капитана.

– Давно хотел спросить... – протянул Дорофеев, понимая, что лучшего времени для вопроса может не представиться, а вопрос давно назрел, и Базза хотел получить на него ответ. – Зачем вы надеваете в бой маску?

– Для защиты.

Крачин был таким же высоким, как Бедокур, но соразмерным: не массивным «медведем» и не тощим «столбом». Короткие, с проседью волосы Аксель зачесывал назад и следил, чтобы они всегда были аккуратно подстрижены и расчесаны. Не менее тщательно ухаживал за характерной для профессоров бородкой «клинышком», которая несколько смягчала суровые черты его лица. Глаза у Акселя были блекло-голубыми, а нос – крючковатым. И вкупе с манерой хорошо одеваться он демонстрировал образ «интеллигентного убийцы», человека, который может прочесть тебе и классических поэтов Ожерелья, и смертный приговор.

Крачин был эрсийцем, до недавнего времени служил кирасиром, числясь одним из самых лихих офицеров маршала Тиурмачина, но Помпилио сумел убедить Акселя примкнуть к команде «Амуша». Тем более что маршал запятнал себя участием в заговоре против Лилиан дер Саандер и был строго наказан.

– Идти в бой в маске необычно для бамбальеро, – мягко заметил Дорофеев.

– Значит, я необычный бамбальеро, – пожал плечами Аксель.

Ответ показал, что Крачин не хочет говорить об этом, но Базза принял решение обсудить интересующий его вопрос и отступать не собирался.

– Насколько я знаю, учителя в Химмельсгартне не одобряют использование масок.

– Они много чего не одобряют, – после паузы ответил Аксель. И грустно улыбнулся, поняв, что от разговора не отвертеться. – Эрсийские маршалы заботятся о своих армиях и не упускают возможности заполучить на службу бамбальеро. Или вырастить бамбальеро, хотя это дороже. В частях постоянно проводятся состязания, и я, будучи еще совсем юным новобранцем, выиграл одно из них. Первое, в котором участвовал. Талант отметили, и меня отправили в Химмельсгартн, постигать Высокое Искусство. Я был счастлив. Я знал, что вернусь на Эрси

отличным воином, грозой врагов, и радовался этому. Я почти не слушал речей, которые вели с нами учителя, предпочитая тренироваться с оружием, но слова имеют тонкое свойство проникать незаметно, исподволь. Я покинул Химмельсгартн отличным воином – об этом я знал, и совсем другим человеком – об этом я не догадывался. Меня ждали мой маршал и блестящая карьера – так действительно было, но я... – Аксель грустно улыбнулся и повторил: – Слова имеют тонкое свойство проникать незаметно, исподволь. Я осознал, что Высокое Искусство не имеет ничего общего с тем, что требовал от меня маршал, но Эрси – суровый мир, я не мог уйти, это грозило бы смертью и мне, и моей семье, и я... Я снова стал другим. – Аксель оглядел висящие на стене маски. – Я прятал лицо не от страха перед ранением, а из-за слабости. Маски помогали мне думать, что кирасир Крачин не имеет ко мне никакого отношения.

– Я очень ценю, что вы рассказали мне об этом, Аксель, – тихо произнес Дорофеев.

Старший помощник молча кивнул и после паузы добавил:

– Кажется, мне пора идти в кают-компанию.

Один из главных цепарских законов запрещал оставаться одному во время переходов через Пустоту, и Крачин проводил их в кают-компании вместе с остальными офицерами.

– Не хотите совершить переход на мостике? – неожиданно спросил капитан.

Приглашение означало, что их отношения наконец-то переходят на новый уровень: Дорофеев закончил присматриваться к новому члену экипажа и принял его.

– Буду рад, – кивнул Крачин.

– Волей мессера вы – мой старший помощник, Аксель, – продолжил капитан, словно объясняя свое решение. – Может статься так, что на борту не окажется ни меня, ни мессера, и вам придется принять командование. В этом случае, я хочу, чтобы вы вернули мне «Амуш» в целости и сохранности.

– Мы оба знаем, что я не цепарь, – улыбнулся Крачин.

– Поэтому я предлагаю вам чаще бывать на мостике. Не стесняйтесь составлять мне компанию, Аксель.

Несколько секунд Крачин молчал, а затем негромко спросил:

– Вы собираетесь меня учить, капитан?

– Я вижу на ваших полках правильные цепарские книги.

– Я был внимателен при чтении.

– Теперь займемся практикой.

– Спасибо! – с чувством произнес Крачин.

– Вы снова станете другим, – вдруг сказал Базза. – Надеюсь, третий Аксель вам понравится.

* * *

– Потрясающе! – в очередной раз прошептала Сувар Ачива. – Просто потрясающе! Твой замок действительно построили тысячу лет назад?

– Чуть меньше, – улыбнулась Кира. – Его заложили девятьсот семь лет назад и строили около двадцати лет. – Так мало? Соборы строили по сто лет и дольше.

– Соборы во время войн не трогали, однако осаду в них выдержать невозможно, поэтому замки поднимались быстрее церквей. – Насчет войны – это ты в точку, – согласилась Сувар.

Она ничуть не изменилась за те месяцы, что подруги не виделись: такая же веселая, жизнерадостная, энергичная и красивая – яркая брюнетка с густыми кудрявыми волосами до пояса, смуглой кожей, чувственным ртом и огромными черными глазами с пышными ресницами. Сувар сводила мужчин с ума, рано поняла, каким оружием обладает, и в первый раз вышла замуж в восемнадцать. Разумеется, за очень богатого человека, одного из видных кардонийских промышленников, бросившего ради молоденькой обольстительницы жену и детей.

Однако сердце ловеласа не выдержало жаркого огня красоти, и через два года Сувар вновь стала свободна. И намного богаче, чем до свадьбы. Через пару лет последовал брак со сверстником – наследником энергетической империи, но молодой муж погиб на войне, и безутешная вдова покинула Кардонию. Не забыв, разумеется, перевести в надежнейшие банки Ожерелья накопленные средства.

Сувар много путешествовала, но, как это ни странно, ее сердце до сих пор оставалось свободным, и в Даген Тур она прибыла в одиночестве.

– Я видела старинную крепость на Верзи и другие постройки тех времен, твой замок выглядит моложе... Его реставрировали?

Не то чтобы брюнетку сильно интересовала архитектура, но новый дом подруги и в самом деле производил впечатление, вот Сувар и выбрала его в качестве первой темы беседы. Да и о чем еще говорить, учитывая, что они встретились только здесь, во дворе, а всю дорогу от порта брюнетка не сводила глаз с возвышающегося над городом замка?

– Даген Тур выстоял во всех войнах, которые велись на Линге, его бомбардировали с воздуха, обстреливали из пушек и штурмовали по меньшей мере три раза в столетие. Четыреста лет назад его разрушили почти до основания, тогда Кахлеса вели особенно тяжелую войну и с трудом удержали дарство. Но меньше чем через год замок вновь поднялся. – Кира помолчала и добавила: – Моя семья любит Даген Тур.

И поймала себя на мысли, что ей нравится звучание этих слов: «моя семья». Нравится быть частью тысячелетней династии воинов и правителей, неукротимых и нестигаемых, готовых сражаться так, что камни стирались в пыль, но не отдавать то, что считали своим. Нравится слышать из уст подруги детства: «твой замок» и знать, что он действительно ее и он действительно замок, а не современная постройка, выдержанная в «старом стиле». А еще – нравится знать историю замка, в котором звучал смех и лилась кровь.

А в следующий миг Кира неожиданно представила во дворе замка мальчишку с отцовской бамбадой в руках, неумело целящегося в мишень, изумилась этой фантазии, но не отогнала ее, попыталась приглядеться, понять, что именно ей нравится, почему вообще эта фантазия ее посетила, но... но громкая Сувар вырвала Киру из накотившей задумчивости.

– Почему Кахлеса любят Даген Тур? Из-за его золотых приисков?

– Золота на Линге много, это наш главный металл, – неспешно отозвалась Кира, не обратив никакого внимания на то, что сказала «наш». – А Даген Тур... – Она задумчиво улыбнулась. – Его просто любят. Это иррационально.

– Они способны на что-то иррациональное? – притворно удивилась Ачива и театрально огляделась.

– Кахлеса называют Даген Тур сердцем дарства.

– Здесь их родина?

– Нет, родовой замок Кахлесов – Сури-Таге, он находится недалеко от столицы, – возразила Кира. – А Даген Тур...

– Вы, Кахлеса, его просто любите, я поняла.

– Да.

Несколько секунд Сувар внимательно смотрела на подругу, а затем неожиданно серьезно спросила:

– Ты уже забыла, что была Дагомаро?

Такой вопрос могла задать только очень давняя и верная подруга, и только наедине. Но слуги разошлись, понесли вещи Ачивы в ее комнату, коляска уехала, девушек никто не сопровождал, и Сувар спросила. И получила ответ:

– Я никогда не смогу забыть кровь, которая течет в моих жилах, – ровным голосом произнесла Кира.

– Тогда почему ты согласилась с моей фразой?

– Потому что я – Кахлес, и дети, если они появятся, будут Кахлесаами, – прежним тоном продолжила Кира. – Я расскажу им о Кардонии и о своем отце, но любить они будут Лингу и Даген Тур.

– Тебя это устраивает? – помолчав, спросила Ачива.

– Ты не корректно поставила вопрос, Сувар, – вымученно улыбнулась Кира. – Я не могу сказать, что рада повороту, который совершила моя судьба, но не в силах ничего изменить. Мое прошлое сгорело, моя любовь сгорела, моя жизнь почти сгорела, и если бы не Помпилио, который постоянно оказывался рядом в самые страшные мгновения моей жизни, я, наверное, уже была бы мертва. Он вытащил меня из плена, не позволив никому ко мне прикоснуться, он вытащил меня из ямы, в которой я оказалась в конце войны. Вытащил, несмотря на то что сам оказался в такой же яме.

– Ты ему благодарна?

– Я... – В первое мгновение Кира решила, что не станет отвечать, но вдруг поняла, что слово должно быть произнесено, что, пускай она не сказала это слово себе, она скажет его подруге. – Я еще не знаю, как должна относиться к Помпилио.

И Сувар пожала Кире пальцы, показывая, что благодарна за честный ответ. Едва слышно прошептала:

– Поворот, о котором ты говорила, всем дался нелегко. – А через секунду продолжила прежним, легким и беззаботным тоном, вновь спрятавшись в личине светской львицы: – Здесь, конечно, ужасное захолустье, но очень миленько. А замок просто великолепен.

Он стоял на одинокой скале, у отрогов лесистых гор, северной стороной к водам озера Даген, и контролировал порт, а с востока был обращен к долине. Он давно потерял военное значение, но каждое столетие его перестраивали с учетом новейших достижений в области фортификации, поскольку лингийцы предпочитали проверенное неизвестному, привыкли укрываться в замке в случае опасности, считали его крепостью и не жалели денег на то, чтобы он ею оставался.

Трехметровой толщины стены поднимались, словно вырастая из скалы, на высоте шестидесяти метров над озером к воротам вела неширокая дорога, заканчивающаяся десятиметровым рвом с подвесными воротами: скала – это хорошо, но почему бы не добавить еще одно препятствие? Всюду амбразуры, орудийные и пулеметные, с пересекающимися секторами обстрела, а вырубленные в скале склады набиты припасами, позволяющими выдержать годовую осаду. В одной из башен спрятана работающая на Философских Кристаллах электростанция – резервный источник энергии. А главная башня – классический круглый Штандарт – поднимается на сорок метров и может служить причальной мачтой для цеппелей.

Даже по современным меркам замок Даген Тур казался неприступным – во всяком случае, его захват представлял бы собой нетривиальную задачу, – но при этом выглядел элегантно и свежо, восхищая не только могуществом, но и красотой.

– Здесь замечательный парк...

– Сад, – поправила подругу Кира. – Парк разбит внизу и выходит к озеру. А здесь, наверху, лишь небольшой сад.

Они как раз ступили на дорожку, выющуюся среди кустов и небольших деревьев.

– Замечательные скульптуры...

– Это Кауро.

– Я знаю, – кивнула брюнетка, небрежно погладив мраморную охотницу, притаившуюся у пышной черемухи. – Превосходные копии.

– Подлинники.

– Что? – очень тихо спросила Сувар, машинально остановившись.

– Только подлинники, – спокойно повторила Кира.

Несколько секунд Ачива молчала, обдумывая неожиданное заявление, после чего осведомилась:

– Ты понимаешь, что живешь в музее?

В ответ Кира едва заметно пожала плечами.

Она знала, что помешанная на искусстве Сувар обязательно обратит внимание на украшающие замок статуи и картины, и удивилась, что подруга не торопилась с расспросами. Но при этом Кира не хвасталась, просто не могла солгать, ведь рано или поздно Сувар обязательно узнает, что Даген Тур украшает настоящий Кауро, и наверняка обидится.

– Скульптуры Кауро – достояние всего Герметикона, – убежденно произнесла брюнетка, когда смысл услышанного окончательно до нее дошел.

– Помпилио разрешает снимать копии и допускает посетителей в картинную галерею. У нас часто бывают ученики лингийских художественных школ.

– Но оригиналы хранятся здесь.

– Да.

– Ты с этим согласна?

– Все скульптуры были заказаны дедом Помпилио именно для украшения замка Даген Тур, – объяснила Кира. – Сад пожелала разбить бабушка Помпилио, поскольку в последние годы жизни ей стало тяжело спускаться в парк, и дар Кахлес обустроил для жены сад. Кауро был ее любимым скульптором, он выслушал ее и украсил сад в точном соответствии с ее пожеланиями и своим талантом, и произведения, которые ты видишь, не могут быть перемещены. Кахлеса считают, что в любом другом месте они будут смотреться нелепо.

– А по-моему, в публичном музее работы Кауро замечательно смотрятся, – не согласилась брюнетка.

– Настолько замечательно, что ты не отличила копии от оригиналов.

– Оригиналы здесь!

– Я не понимаю твоих претензий, – улыбнулась Кира. – Я ведь все объяснила.

– Извини, – опомнилась Ачива. – Не хочу ссориться.

И вновь прикоснулась к руке подруги.

– Я тоже, – кивнула Кира.

– Покажешь замок?

– Все его уголки.

– Тут есть пыточные камеры?

– Одна.

– Старинная?

– Вполне современная, – не стала скрывать Кира. – Ну то есть она старинная, но находится в рабочем состоянии.

– И ты так спокойно об этом говоришь? – изумилась Ачива.

– А как я должна об этом говорить?

– Разве это не пережиток прошлого?

– Разве не ты заговорила о пытках?

Сувар хотела что-то сказать, но передумала.

...Стол был накрыт в обеденном зале, но гостью переполняли эмоции, и хотя Ачива проголодалась, пересекая озеро, она попросила Киру продолжить экскурсию, и девушка не смогла отказать.

Из сада они отправились в библиотеку, сделавшую бы честь любому университету. Восхищенная Сувар долго изучала корешки старинных книг, после чего заявила, что знает, где проведет завтрашний день. И ближайший месяц. Из библиотеки перешли в картинную галерею, в которой Сувар пообещала поселиться или ограбить ее при первом же удобном случае, поскольку едва не умерла, увидев коллекцию миниатюр дер Стюга. А вот оружейная комната,

как, впрочем, и ожидала Кира, не произвела на гостью особенного впечатления, несмотря на то что была со вкусом украшена и с любовью наполнена. Стены оружейной захватило старинное оружие, на них висели щиты, как парадные, с изысканно нарисованными гербами, так и боевые, честно служившие Кахлесам в сражениях и завоевавшие право на вечный отдых в арсенале; помимо щитов – мечи, в том числе двуручные, кинжалы, булавы, секиры, боевые молоты, шестоперы и прочие холодные приспособления разрушительного действия. В редких промежутках между железом располагались картины и гравюры героического содержания: значимые сражения, в которых принимали участие воинственные Кахлеса, штурмы крепостей и наиболее известные дуэли. А вот шкафы для современного оружия оказались полупустыми: знаменитую коллекцию бамбад Помпилио возил с собой.

Поскольку Даген Тур долгое время исполнял роль неофициальной резиденции даров, в нем был предусмотрен тронный зал, ныне превращенный в кабинет. Огромное парадное помещение с окнами от пола до потолка было заставлено столами с бумагами, шкафами с книгами и атласами, астрологической и алхимической аппаратурой, стендами с картами, как географическими, так и звездными, схемами цеппелей и кузелей, какими-то механизмами и устройствами. А рядом с главным письменным столом, за которым можно было легко представить хозяина этого великолепия Помпилио, на самом видном месте стоял треножник с изысканным портретом Лириан дер Ти-Нифаль, по мужу – дер Саандер.

– Я редко захожу в кабинет, – ровным голосом сообщила Кира, перехватив удивленный взгляд подруги. Поняла, что Сувар не удовлетворена ответом, и после паузы продолжила: – У него есть свое прошлое, у меня – свое... – и показала медальон, внутри которого прятала фотографию молодой девушки, счастливо улыбающейся в объятиях любимого мужчины. – Мы относимся к этому с пониманием.

- Ты повзрослела, – вздохнула Сувар.
- Поворот, о котором мы говорили, крепко меня изменил.
- Я рада, что не сломал.
- За это нужно благодарить Помпилио.
- Не приписывай ему слишком много заслуг.
- Он не берет чужое, – вдруг ответила Кира. – Только то, что принадлежит ему по праву. И эта фраза заставила Ачиву задуматься.

Из тронного зала подруги отправились в обеденный, и Сувар с жадностью набросилась на салат и закуски, показав хозяйке, насколько сильно проголодалась. Отдала должное ледяному белому – Кира хорошо знала пристрастия брюнетки и распорядилась достать из погреба пятилетнее тинигерийское из долины Имн, насыщенное и плотное. Затем последовали перепела под соусом из местных ягод, воздушный торт на десерт и кофе. Закончив с ужином, девушки вышли на террасу и расположились в креслах, наслаждаясь видом на озеро и город.

- Где твой муж и повелитель? – промурлыкала Сувар.
- Просто: мой супруг, – поправила ее Кира.
- Извини, неудачно пошутила.

В республиканских мирах прививалось «современное» отношение к адигенам и родовой аристократии – как к пережитку прошлого, и легкое подшучивание над выдуманными по большей части «традициями», вроде угнетения женщин или телесного наказания подданных, давно стало в них нормой. Кира сама вела себя так же до тех пор, пока не вошла в круг «пережитка прошлого», пока не увидела жизнь адигенов изнутри и не поняла, как сильно она отличается от того, что о ней рассказывают.

- Помпилио отправился в путешествие.
- Один?
- В сопровождении команды «Пытливый амуш».

– Ты прекрасно поняла, о чем я спросила, – подняла брови брюнетка. – Почему Помпилио не взял тебя?

– Я не спрашивала.

– Почему?

– Его поездки бывают весьма опасны.

– Ты вроде всегда называла себя сорвиголовой?

– Отец меня так называл.

– Ты не протестовала, – рассмеялась Ачива. – Разлюбила приключения?

– Кто-то должен присматривать за владениями.

– Кто же это делал до вашей свадьбы? Насколько я знаю, Помпилио никогда не сидел на месте.

– До нашей свадьбы за владением присматривал тот же, кто присматривает сейчас – управляющий, – сдалась Кира. – Каждую неделю он приносит отчеты, и месяц назад я стала понимать, что в них написано.

– Спасибо за честный ответ, – мягко произнесла Сувар. Но не удержалась от легкой колкости: – Наконец-то.

Кира кивнула, показав, что прекрасно поняла намек и признает право подруги на колкость, и продолжила:

– Я пока не готова к путешествиям.

– Помпилио предлагал отправиться с ним?

– Да. – Но Кира не стала говорить, что тон супруга не оставлял сомнений в том, что Помпилио рассчитывает на отказ. – Я использовала твой приезд как предлог.

– Ну хоть чем-то я оказалась полезна.

Девушки рассмеялись, однако перейти на шутливый тон не получилось, поскольку Ачива неожиданно спросила:

– Тогда что тебя гнетет?

И тем заставила подругу удивленно поднять брови:

– Сувар?

– Кира, я слишком хорошо тебя знаю, – произнесла брюнетка, глядя девушке в глаза. – Ты повзрослела, ты изменилась, ты почти другая, более того – ты почти адигена, то есть другая в квадрате, но я с тобой выросла, и ты меня не обманешь: тебя что-то беспокоит.

– Я еще не совсем пришла в себя, – медленно проговорила Кира, изо всех сил стараясь сделать так, чтобы ответ получился искренним.

То есть таким, каким в действительности не был.

– Правда?

– Честно.

– Хорошо.

В действительности все было совсем не так. И не совсем хорошо. Скорее – непонятно.

Через три дня после отъезда Помпилио Кира получила короткое письмо, содержание которого до сих пор не давало ей покоя, однако говорить о нем с Сувар рыжая не собиралась. Во всяком случае, не сейчас.

А гостя поняла, что коснулась нежелательной темы, и непринужденно перешла на другую:

– Видела, ты раздобыла паровинг.

– Рассказали?

– Заметила, когда проезжала мимо причала. Он очень приметный.

– Мне нужно чем-то заниматься, – объяснила Кира.

– Готовишься к путешествиям?

– Чем я хуже Помпилио?

– Будете вместе исследовать новые миры?
– Он на рейдере, а я – на паровинге. Из нас получится неплохая команда. – Кира помолчала. – Настоящая экспедиция.

А Сувар вдруг спросила:

– Паровинг напоминает тебе о доме?

И на этот раз Кире не пришлось прилагать усилия, чтобы ответить честно:

– Да. – Она выдержала коротенькую паузу и спросила: – Как там сейчас?

– Ты не читаешь новости?

– Я знаю, что ты была на Кардонии.

– Была, – подтвердила Ачива. – Дома тихо, но не очень хорошо. Все понимают, что война не закончилась, но пока адигены проводят миротворческую операцию, воевать никто не станет... А еще нам не хватает твоего отца.

Железного Винчера Дагомаро, героя и патриота.

И Кира вдруг подумала, что это ее отец, а точнее, его упрямство и неуступчивость ввергли Кардонию в ужасную гражданскую войну. Компания, конечно, приложила руку к созданию хаоса, надеясь заполучить контроль над богатой планетой, но ее отец был слишком уверен в победе, рискнул и проиграл.

Однако о том, как много Винчер проиграл, Кира никому не рассказывала и потому сменила тему:

– Никогда бы не подумала, что стану женой Помпилио.

Ачива догадалась, что подругу расстроило упоминание об отце, и мысленно обругала себя за длинный язык.

– А я как раз мечтала выйти замуж за адигена. Когда я видела их – в сферопорту, на выставке, во время путешествий, – всегда восхищалась их элегантностью, умением держаться. Каждый из них казался принцем, и если бы не война, я бы наверняка стала адигеной.

– Твое первое замужество случилось задолго до войны, – не преминула заметить Кира.

– Чарльз вскружил мне голову, – легко рассмеялась Ачива.

– Второе тоже было до войны.

– Эрнст оказался настойчив и нежен...

– Прошло много времени, – тихо сказала Кира.

И Сувар поняла, что настало ее время быть откровенной.

– Я думала, что не сильно люблю Эрнста, во всяком случае, не так, чтобы терять сознание или благодарить Творца за то, что он послал мне такого мужа, я даже изменила ему пару раз, – призналась она, разглядывая бокал с вином. – Но... но его убили, и я поняла, что не хочу никого видеть рядом с собой. Пока, по крайней мере...

И Кире показалось, что слова подруги прозвучали упреком.

– Я много путешествую, у меня случаются романы, но я не могу представить, что кто-то из моих поклонников сумеет преодолеть этап мимолетного увлечения.

– Значит, ты очень сильно любила Эрнста, – прошептала Кира.

– Ты любила сильнее, – вдруг ответила Ачива. А увидев изумленный взгляд подруги, объяснила: – Я знаю точно, потому что тебе не удалось справиться с потерей в одиночку.

Некоторое время девушки молчали, глядя с высоты балкона на огни засыпающего города, после чего Кира показала, что не прочь вернуться к веселому тону:

– Здесь много адигенов, подруга, и при желании ты без труда исполнишь детскую мечту.

– Лингийцы чванливы, – рассмеялась в ответ Сувар.

– Не все.

– Тебе просто повезло.

– Помпилио чванлив до невозможности, – призналась Кира.

– И ты вышла за него замуж?

– Так получилось.

– И теперь мне придется называть тебя адирой?

– Да.

– Ты серьезно? – Ачива приподнялась с кресла и уставилась на Киру. Она явно не ожидала подобного ответа от давнишней подруги.

– Сувар, наедине мы будем общаться по-прежнему, но на людях придется соблюдать этикет. Вольное обращение бросит тень... нет, не на меня – на моего супруга.

– Для тебя это важно?

– Помпилио не просто адиген, а родной брат дара Антонио, и я не хочу портить ему настроение такой ерундой.

Несколько секунд Сувар обдумывала ответ, после чего с деланой покорностью произнесла:

– Не волнуйтесь, адира, я знаю свое место.

– Будешь так себя вести – выпорю, – пообещала Кира.

– Ты быстро научилась быть адигеной.

– На Линге существует право телесных наказаний, – не стала скрывать Кира. – Но учиться нужно тому, чтобы этим правом не пользоваться. У меня, скажу откровенно, получается.

– Мы вроде шутили.

– Да.

Ачива долила в бокалы вина, вновь откинулась на спинку кресла и спросила:

– Куда он отправился на этот раз?

– В Южный Бисер. Какие-то дела в пограничных мирах.

– Не боишься, что на самом деле Помпилио сейчас развлекается на Андане? – небрежно осведомилась Сувар.

– Нет, не боюсь, – улыбнулась в ответ Кира. – Но ему наверняка сейчас весело.

* * *

У Дребренди и его помощников хватило ума честно выполнить свою часть сделки: они сложили оружие около грузовика и послушно отошли на сто шагов, даже на сто пятьдесят. Боялись, конечно, что бамбадао нарушит слово, однако решили подчиниться и не прогадали. Помпилио, в свою очередь, не испытывал никакого желания наказывать незадачливых преследователей. Он проверил состояние грузовика, признал его удовлетворительным, выбрал из груды оружия лучшие винтовку и револьвер, добавил к ним патроны, еду, воду, заклинил руль мотоциклета и уехал, не забыв крикнуть констеблю, что разведчики живы и их нужно развязать. Остановился около них, вывел из строя оставшиеся мотоциклеты и поехал дальше.

Первая часть плана была выполнена – наземная погоня прекратилась. Осталось решить, что делать с цеппелем, который продолжал болтаться над лесом, то появляясь, то исчезая: прятаться от него или устроить переговоры, наподобие тех, которые он провел с констеблем? К сожалению, второй вариант пока представлялся призрачным, попытаться захватить цеппель Помпилио мог, лишь оказавшись на борту, что означало сдачу в плен, а терять свободу во второй раз за пару дней адиген не хотел.

Но с цеппелем нужно было что-то делать...

Исследовав содержимое кузова, Помпилио, как, впрочем, и надеялся, обнаружил приспособления для подъема на высоченные мегатагены: арбалет, к болтам которого крепился тонкий, легкий, но необычайно крепкий шнур, и «кошки». Схема была несложной: шнур следовало перекинуть через ветку, натянуть на ней и использовать в качестве страховки. Дальше все зависело от силы и ловкости, чего Помпилио было не занимать. Неспешный подъем на стометровую высоту занял у него чуть более получаса, среди ветвей дело пошло живее, но

специально адиген не торопился. У самой верхушки вновь замедлился, чуть подождал, прежде чем высунуться из-под защиты зелени, а когда выглянул – сразу увидел цеппель, дрейфующий примерно в трех лигах к западу. Скорее всего – над рекой, которую Помпилио видел на карте.

– Вы ее патрулируете, – пробормотал адиген. – Ждете меня.

И это было логично: на грузовике или мотоциклете реку не форсируешь, без снаряжения и припасов в лесу делать нечего, а значит, нужен небольшой плот: переплыть самому и перевезти необходимые вещи. Для строительства плота требуется время, и при должной внимательности беглеца можно засечь за работой. А на цеппеле, несмотря на то что с виду он был обыкновенным «купцом», внимательных людей хватало – в этом Помпилио не сомневался.

«Возможно, имеет смысл проехать двадцать-тридцать лиг вдоль реки, выйти из зоны видимости цеппеля и переправиться там. При удаче я собою их со следа, но... но нужно ли мне сбивать их со следа?»

В Фоксвилле Помпилио действовал инстинктивно, переживая сильное нервное напряжение. Стоя с петлей на шее, трудно видеть вокруг друзей – если, конечно, это не старые друзья, – поэтому Помпилио ударил спасителя и скрылся. Но успокоившись, он понял, что, скорее всего, в «купце» находятся люди, для встречи с которыми он и прилетел на Фарху, а значит, убегать от них нет смысла.

Но друзья ли они?

Размышляя, Помпилио неспешно спускался по гигантскому стволу, но примерно на половине пути замер и внимательно прислушался к долетевшему снизу шороху. Едва уловившему даже для него, для бамбадао.

«Проклятие!»

Около машины его ждали. Но не местные увальни, а опытные профессионалы, присутствие которых даже он обнаружил с большим трудом. А они, в свою очередь, прекрасно поняли возникшую заминку, и через секунду Помпилио услышал вежливый вопрос:

– Мессер, вы не могли бы сбросить вниз револьвер?

– Зачем?

– Мы вас боимся, мессер, и не хотим рисковать, – честно ответил еще невидимый боец. – А когда мы боимся, мы становимся особенно опасными.

Невидимый говорил очень вежливо, но по его тону чувствовалось, что он опасен не только когда боится.

– Ты с цеппеля?

– Да.

– Ты знаешь, кто я, – на этот раз Помпилио не спрашивал.

– Вы прибыли в Фоксвилль для встречи с нами, мессер, – сообщил невидимый.

– С тобой?

– Нет.

– Покажись, – велел адиген. – Все покажитесь. Если вы те, за кого себя выдаете, я не стану стрелять.

Внизу возникла заминка, судя по шепоту, спутники невидимого не горели желанием показываться вооруженному бамбадао, но ему удалось их убедить, и через несколько секунд бойцы вышли из укрытия. Четверо вооруженных мужчин в обыкновенных цепарских костюмах, главный из которых был Помпилио знаком.

– Хороший удар, мессер, – улыбнулся он, показывая отметину. – Челюсть до сих пор болит.

Вместо ответа Помпилио бросил вниз револьвер и продолжил спускаться.

– Как вы меня отыскиали?

– Грузовик хорошо виден сверху, мессер, – вежливо ответил вожак, подбирая оружие. – Сначала мы держались за местными, а когда вы отняли у них машину – за вами. Потом поняли, что возле реки вы остановитесь, полетели вперед, высадились и начали патрулирование...

– Чтобы отвлечь мое внимание.

– Именно так, мессер.

– Хороший план.

– Он мог не сработать.

– Но он сработал.

Помпилио спрыгнул на землю, снял «кошки», неспешно оглядел мужчин – было видно, что они слегка нервничают, – и вопросительно поднял брови, показывая, что хочет знать причину их сомнений.

– Вы ведь не станете сопротивляться? – почтительно спросил вожак. – Я к тому, что вы не позволите связать себе руки?

– Я поднимусь на борт, – пообещал Помпилио.

– Потому что хотите поговорить?

– И еще потому, что мне нужен этот цеппель.

Вожак заулыбался, остальные слегка расслабились.

– Меня зовут Йорген Хара, мессер, и для меня большая честь познакомиться с вами.

– Я знаю.

– Вам нужно что-нибудь взять из грузовика?

– Нет, там только трофеи. А в них я редко испытываю недостаток.

Хара вновь кивнул и поинтересовался:

– Вы не имеете ничего против путешествия в «корзине грешника»?

**Ретроспектива,
в которой робкая надежда на спасение
превращается в твердую взаимовыгодную
договоренность между нечистым и проклятым**

– Если побежишь – догоню и сломаю ногу, – предупредил тот охранник, что шел чуть позади и справа.

– Как же я пойду дальше? – притворно удивился Ричард Мааздук.

– А ты не пойдешь, – размеренно ответил охранник. – Мы бросим тебя и уйдем.

– А утром вернетесь и закопаете тело?

– Какое тело? – удивился сопровождающий. А вот притворно или нет, Ричард не понял. – Шакалы порвут тебя на куски и растащат по округе. Никто не станет собирать кости только для того, чтобы закопать, – и закончил ответ с неожиданной претензией на поэтичность: – Ты растворишься в мире.

Этого охранника капитан назначил главным в их маленькой группе, чем тот весьма гордился и постоянно демонстрировал Ричарду обретенное положение: то грубовато подталкивал в спину, требуя идти быстрее, то оскорблял, то угрожал... Второй страж помалкивал, но, судя по недружелюбным взглядам, которыми он то и дело награждал пленника, и от него ничего хорошего ждать не приходилось.

Ричарда здесь не любили.

– Я сам пришел, – напомнил он, раздосадованный таким обращением. – Зачем мне бежать?

– А будешь болтать – отрежу язык.

– Как мне тогда говорить с ведьмой?

– Ты что, неграмотный? – вытаращил глаза главный охранник. – Напишешь!

И громко заржал над собственной шуткой. Второй лишь хмыкнул, не желая портить отношения с приятелем.

– От отсутствия языка еще никто не умирал, – продолжил главный.

– А от чересчур длинного –дохнут постоянно, – добавил недружелюбный.

Недружелюбно добавил.

Впрочем, какого дружелюбия можно ждать от спорки?

Нечистые люди, искореженные и переломанные кошмарным Белым Мором, долгое время были отверженными, лишенными всяких прав изгоями и даже объектом охоты. Их боялись и презирали, в них видели залог возвращения страшной болезни, некогда выкосившей половину Герметикона, и несмотря на то что лед взаимного недоверия постепенно истончался, людям было еще очень далеко до нормальных отношений с нечистыми.

И неизвестно, сумеют ли они сей путь пройти.

– Долго еще?

– Ты сразу поймешь, когда мы окажемся на месте.

– Как?

– Ну ты же не дурак. Наверное. – Главный выдержал паузу. – Хотя и пришел сам.

Недружелюбный снова хмыкнул, Мааздук снова не нашелся с ответом.

Хотя, с другой стороны, охранник был прав: поскольку пленника вели на встречу с очень уважаемой ведьмой, можно сказать – жрицей, то окажется он, скорее всего, в священном месте. А священные места спорки не узнать невозможно, особенной красотой они не отличались: среди нечистых почти не встречались талантливые художники или архитекторы, способные

привнести в строгость догматов изящные дополнения, а сам их культ был относительно юн и тяготел к примитивизму, все еще выискивая истину в первобытной простоте. И все священные места спорки, которые Ричард видел до сих пор, он мысленно называл капищами: в них обязательно стояли грубые истуканы, обмазанные то ли кровью, то ли краской, иногда – резные тотемные столбы, всегда – замысловато разложенные камни разного размера, звериные шкуры, натянутые на деревянные рамы, и обязательно – огонь. Костер, очаг, курильня – без огня не обходилось ни одно нечистое капище. Зато спорки прекрасно себя чувствовали без массивных каменных соборов, шпили которых почесывали заплутавшие облака, без звучных колоколен, без изображений Добрых Праведников, статуй святых, в общем, без всего, чем славились и поражали воображение верующих олгеменические храмы.

Однако нужно заметить, что храмы и капища Мааздук до сих пор посещал по доброй воле, сейчас же его сопровождали грубые воины, а руки были крепко связаны за спиной.

Но это обстоятельство его не смущало.

И не пугало.

Ричард искал помощи, пытаясь спастись от неминуемой смерти, догадывался, что нечистые отнесутся к нему с подозрением, и был готов к любым испытаниям. Точнее, был уверен, что способен пройти любые испытания, чтобы выжить и... отомстить.

«Я справлюсь! Я смогу!»

Поэтому его не пугали ни стянутые за спиной руки, ни грубость стражей. Что же касается ведьмы... Воздействовать на нее Мааздук мог только одним способом: даром убеждения. Только даром убеждения, поскольку репутация и положение играли против него, но Ричарду было что предложить, и он верил, что цена окажется привлекательной. Не зря же он два месяца пробирался на Ямну, прячась в трюмах грузовых цеппелей и постоянно меняя документы, прожил на планете спорки две недели, настырно добиваясь встречи с кем-нибудь из высших ведьм, в конце концов был похищен – именно так: схвачен, связан и брошен в каюту без иллюминатора, в которой провел больше суток, – и после всего этого оказался здесь: в скалистых и безжизненных, как сама Пустота, горах. Все было не зря, потому что, пожелай нечистые его убить – перерезали бы глотку в сферопорту и кинули в канаву.

Не перерезали.

Привезли сюда.

А значит, можно потерпеть и связанные руки, и грубое обращение, и долгое, довольно тяжелое путешествие по горам. Ричард не считал шаги, но понял, что они преодолели не менее двух лиг, и хотя двигалась маленькая процессия без особой спешки, горная тропинка украла изрядно сил, ноги начали гудеть, а дыхание – сбиваться.

– Стой!

«Наконец-то!»

Пленник послушно замер и внимательно оглядел зев небольшой пещеры. Из него явственно тянуло холодом, и в подступающих сумерках проход казался чернее самой черноты.

– Нам сюда?

– Тебе сюда, – уточнил главный стражник.

– А вам?

– Дальше идешь один, – продолжил спорки. – Если испугаешься, не возвращайся – не выпустим. – Он выразительно потряс винтовкой с примкнутым штыком и закончил: – Все понятно?

Сомнения в том, что нечистые сдержат слово, у пленника отсутствовали, поэтому ответил он предельно искренне:

– Более чем.

– Вот и хорошо. – Недружелюбный зашел за спину и перерезал веревку. – Ступай.

– Как долго мне идти? – поинтересовался Ричард, разминая руки. Но не оборачиваясь, а продолжая с подозрением рассматривать зев.

– Увидишь.

– Что там будет?

– Узнаешь.

– Может быть, узнаешь, – уточнил недружелюбный. – Если успеешь.

Главный коротко хохотнул.

– Одно скажу точно: шакалов там нет.

– Они сюда не приходят.

– Боятся.

«Первая хорошая новость за последний час».

– Факел дадите? – осведомился Мааздук.

– Не понадобится, – мотнул головой недружелюбный.

– Захочешь пройти – пройдешь без факела, – добавил главный.

– Но можешь отказаться прямо сейчас.

– И что тогда? – заинтересовался Ричард.

– Мы тебя убьем, – радостно сообщил недружелюбный. И снова достал нож, которым перерезал веревки. На этот раз пленник стоял к спорки лицом и сумел оценить и размер клинка, и его очевидную остроту.

– Убьем быстро и безболезненно, – добавил главный.

– Один укол в сердце.

– Но закапывать не будем...

– Да, да, я помню: шакалы все сделают за вас, – протянул Ричард.

– Что? – не расслышал недружелюбный.

– Я, пожалуй, рискну зайти в пещеру.

– Мы предупредили.

Спорки рассмеялись.

Ричард из вежливости улыбнулся жизнерадостным стражникам, после чего отвернулся и уверенно шагнул в пещеру. Тут же остановился, привыкая к окутавшей его тьме, ощупал стены, определяя размеры коридора, убедился, что может не нагибаться, и медленно направился вперед. Идти было легко, поскольку каменный пол пещеры оказался ровным, словно вытесанным старательными рабочими, и лишенным препятствий, но буквально через десять шагов Ричард почувствовал едва уловимый запах благовоний... нет... не благовоний... Точнее, не только благовоний. Из небольших отверстий в стенах до Мааздука долетал сладковатый запах ароматических трав, смешанных с наркотическими кореньями, скорее всего, с болианой, но, возможно, неизвестный аптекарь добавил что-то еще. Смесь получилась не настолько сильной, чтобы свалить с ног, но голову туманила.

«Ах да, я ведь иду к ведьме...» Жрицы нечистых были гипнотами, умели проникать в головы людей, читать их память и даже мысли, а хитроумно составленные смеси снижали инстинктивное или осмысленное сопротивление, приводя головы жертв – или пациентов – в удобное ведьмам состояние.

Делали жертв, или пациентов, податливыми.

«Теперь понятно, для чего потребовалась пещера – здесь облако долго не рассеивается, так что эффект получается отличный».

Обойти наркотический туман Ричард не мог, поэтому прибавил шаг, постарался дышать как можно реже, но вскоре признался, что все равно подвергся воздействию «благовоний»: от былой сосредоточенности не осталось и следа, тревога пропала, происходящее стало казаться веселым приключением, и очень хотелось с кем-нибудь поговорить. Неважно о чем.

О чем спросят.

«Ну и ладно! – вздохнул Ричард, признавая поражение. – Я знал, к кому шел».

К ведьме, которая обязательно заберется в его голову.

Вскоре подземный коридор плавно повернул налево и закончился, оказавшись не пещерой, а тоннелем, который вывел Ричарда на берег озера, зажатого меж трех высоких гор. Чистейшего и очень холодного озера, вода которого мягко блестела в лучах заходящего солнца.

Ричард медленно поднялся по широкой лестнице и замер, пораженный необыкновенной красотой открывшегося вида: не очень широкая, но изысканная набережная, с большим искусством вырубленная в скале, тянулась вдоль озера примерно на половину лиги и упиралась в двухэтажный дом под черепичной крышей. Горный склон украшали искусственные гроты и причудливо изогнутые сосны, а по краю набережной шла невысокая балюстрада, изредка прерываемая постаментами со скульптурами. В озеро вдавался мол, к которому были пришвартованы несколько лодок, а заканчивался он прелестной каменной беседкой, в которой Ричард разглядел силуэт женщины.

Молодой женщины.

Она оказалась брюнеткой с блестящими, гладко зачесанными волосами и небольшими, очень живыми черными глазами. Лицо у нее было округлым, с маленьким подбородком, и его властное выражение свидетельствовало о том, что простолюдинкой незнакомка не является. Нос тоже был маленьким, аккуратным, губы – припухлыми, зубки – белоснежными и ровными.

Она была красива и свежа и совсем не походила на спорки, большинство которых носило на себе зримую печать Белого Мора, и даже потрясающие красавицы с Куги не могли изменить цвет синих волос, которым их наградила болезнь. А вот незнакомку, получается, Мор «украшать» не стал.

«Любопытно...»

Фигуру Мааздук не рассмотрел, поскольку женщина куталась в бесформенный черный плащ, но, приближаясь, обратил внимание на золотой гребень в волосах и тяжелые золотые серьги. Дождался разрешения присесть – легкого кивка, – расположился напротив и вежливо склонил голову:

– Добрый вечер.

При этом смотрел незнакомке в лицо, но не в глаза. Она поняла причину и с улыбкой сообщила:

– Когда я захочу тебя прочесть, ты не сможешь противиться. Ты сам вступишь меня в свой разум. – Короткая пауза. – А пока мы просто говорим.

И отвернулась к озеру, наблюдая, как по тихой воде скользят последние лучи заходящего солнца.

– Почему ты... – Ричард сбился и прочистил горло. – гх-кхм... извините... Почему вы решили, что я захочу пустить вас в свой разум?

– Потому что ты здесь и готов на все. – Она вновь улыбнулась, но взгляд от озера не отвела. – Разве нет?

– Может, я хочу вам что-нибудь продать.

– Разумеется, хочешь, для этого и приехал, – спокойно отозвалась женщина. – Вопрос в том, нужно ли мне это «что-то», а если нужно, то по какой цене?

И Ричард поздравил себя с первым пропущенным ударом.

И с тем, что приехал по адресу: длинная набережная, вырубленная для улады одной-единственной женщины, наглядно демонстрировала ее положение на Ямне. А возможно – во всем сообществе спорки. Молодая женщина занимала очень, очень высокое место в иерархии нечистых.

– Зачем ты пришел? – продолжила ведьма.

– За спасением, – не стал врать Ричард.

– Почему ты думаешь, что я помогу?

- Мне больше не к кому идти.
 - Тебе не к кому идти, – повторила спорки. – Но почему ты думаешь, что я тебе помогу?
 - Мне есть что предложить, – уверенно ответил Мааздук.
 - Твой товар ценен?
 - Настолько, что вы позабудете о моих врагах.
 - У тебя могущественные враги?
 - Неимоверно.
 - Это не ответ. Насколько они могущественны?
 - Настолько, что Герметикон стал очень мал для меня.
- Прямой ответ, в котором не было ни капли бахвальства, произвел впечатление.
- В Герметиконе десятки планет, – обронила женщина после короткой паузы.
 - Теперь вы знаете, что я вкладываю в понятие «могущественный враг», – буркнул

Ричард.

- С твоей стороны было неосмотрительно ссориться с таким человеком.
- Это старая история.
- В таком случае твой враг не очень могущественен.
- История старая, но гоняться за мной он стал не так давно, – уточнил Мааздук. – До недавнего времени наши пути не пересекались.
- Это многое меняет и многое объясняет, – кивнула ведьма. – Но твой враг могущественен.

- Я с ним справлюсь.
- Тебе нужна помощь?
- Не помешает, – кивнул Ричард и неожиданно для себя хихикнул.

Травки сделали свое дело, придав разговору немного игривости, однако никто из собеседников не заострил на этом обстоятельстве внимание.

– Вам бояться нечего: мой враг не сможет развязать войну со всеми спорки, – продолжил Мааздук.

- Он беспощаден только к твоим друзьям.
- Почему вы так решили?
- Герметикон стал мал для тебя, – объяснила ведьма. – Значит, никто не хочет тебе помогать. Значит, твои друзья мертвы.

Отрицать очевидное не имело смысла. Ричард поморщился, поскольку горькие слова ведьмы пробили броню веселеньких травок, и угрюмо ответил:

- Герметикон стал труслив.
- Можно сказать и так, – не стала спорить женщина. И пошевелилась, плотнее закутываясь в плащ.

В этой части Ямны стояло лето, однако с озера тянуло сыростью, и ведьма, похоже, мерзла. Будь Ричард в порядке, он бы тоже озяб, ведь на нем была только рубашка с короткими рукавами, легкие цепарские штаны и летние ботинки, однако травки его не только расслабили, но и сделали нечувствительным к холоду.

- Вы мне поможете?
- Я еще не решила.
- Сколько придется ждать?

То ли благодаря наркотикам, то ли из-за того, что он подошел к последней черте и больше нечего стало бояться, голос Ричарда прозвучал настолько спокойно, что привел ведьму в замешательство. Правда, всего на мгновение. Затем она опомнилась и небрежно произнесла:

- Мы рассмотрели одну часть вопроса, узнали цену, которую придется заплатить.
- И какова она? – растерялся Мааздук.

– Возможная ссора с очень могущественным человеком, – объяснила женщина. – Теперь поговорим о том, что я получу взамен?

– Я готов на все, – хмуро ответил мужчина.

– Этого недостаточно.

– Я готов абсолютно на все, – уточнил Ричард. – И поверьте, если уж я сказал: абсолютно на все, значит, вы сможете мне поручить любое задание.

– Но сможешь ли ты его выполнить? – мягко заметила ведьма.

– Проверьте, – развел руками Ричард. – Придумайте невыполнимое испытание, что-нибудь настолько сложное, что считается самоубийственным. Или настолько грязное, что от него отказываются даже самые подлые обитатели Омута... Поручите мне что-нибудь омерзительное, что-нибудь низкое... Проверьте меня!

– Ты так сильно хочешь жить?

– А вы не хотите?

Ведьма промолчала.

И Ричард поздравил себя с тем, что сравнял счет. Однако радость его была недолгой.

– Этого недостаточно, – обронила ведьма. – Я не могу тебя испытать, потому что не было случая, чтобы мой приказ не исполнился. Даже самый грязный из них.

Прохладный ветерок разогнал проникший в голову туман, мужчина стал мыслить яснее.

– То есть верный помощник вам не нужен?

– Ты никогда не станешь вернее спорки, – легко ответила женщина. – Ты не умрешь за меня, как погибают они.

Вот и все.

Последняя надежда на спасение рухнула, или вот-вот рухнет. Его не убьют, конечно же, отпустят, чтобы посмотреть, как долго он сумеет бежать от своего могущественного врага. Или сдадут, предложив его могущественному врагу крепкую дружбу.

Женщина молчала, продолжая смотреть на озеро, по всему выходило, что ему следует подняться и уйти, и тогда Мааздук решился выложить на стол свой главный и последний козырь:

– У меня есть еще один товар на продажу.

– Я слушаю, – негромко и, кажется, без особого интереса проронила ведьма.

– Я знаю тайну, которая перевернет Герметикон.

– Отыскал координаты материнской планеты?

– Придумал новый способ войны, – ответил Ричард, не обратив внимания на иронию, с которой был задан вопрос. – Никакой мистики, только наука. Способ нуждается в доработке и в проведении испытаний, но я уверен, что вместе мы справимся.

– Твоя тайна стоит прощения? – вдруг спросила ведьма, наконец-то посмотрев на собеседника.

– Стоит, – уверенно ответил Мааздук. – Но мы с моим врагом не договоримся ни за что, потому что не захотим. А остальной Герметикон согласится на любые наши условия.

Долго, почти две минуты, женщина молчала, напряженно обдумывая предложение, после чего кивнула, показав, что последняя ставка себя оправдала, и сказала:

– В таком случае самое время познакомиться. Назови свое имя.

– Ричард Мааздук.

– Я хочу, чтобы ты назвал свое настоящее имя, – равнодушно повторила приказ ведьма. – Ты сам.

– У меня их было так много, что я давно сбился со счета, – спокойно ответил Ричард. – Всякий раз, когда я поднимался из пепла, меня звали иначе, и лишь псевдоним всегда оставался со мной. Он стал моим настоящим именем.

– Назови его.

Мааздук помолчал и жестко произнес:
– Огнедел.

Глава 2, ***в которой Кира дарит жителям Даген Тура*** ***незабываемое зрелище, Дорофеев демонстрирует*** ***старый трюк, а Помпилио производит впечатление***

Для быстрого подъема на борт на всех цеппелях предусматривалась ненавидимая экипажем «корзина грешника», которую можно было опускать на сто, а то и сто пятьдесят метров, что было очень кстати, учитывая высоту мегатагенов и отсутствие в бесконечном лесу полян. Во всяком случае поблизости. Капитан цеппеля выбрал место, где крона была не самой густой, и закрепился временными якорями за толстые ветви, надежно пришвартовав цеппель к гигантским деревьям, в результате корабль твердо стоял на месте и подъем получился непривычно спокойным.

Но при этом – привычно медленным.

На такой высоте лебедку ставят на минимальную скорость, поэтому, поднимаясь, Помпилио успел убедиться, что был прав, издавек определив цеппель как торговый, прочитав название: «Белый парнатур», и порт приписки: Ауэрона, Ямна. Тот факт, что название и порт приписки не скрыли, мог означать и то, что на борту его ожидают друзья, и то, что живым с «Парнатура» его отпускать не собираются.

На борту гостя встречал капитан – средних лет спорки в форменной тужурке и фуражке с кокардой Гильдии Свободных Торговцев, судя по синим волосам – кугианец, и невысокая черноволосая женщина, кутающаяся в черно-зеленый иол.

– Добрый день, мессер Помпилио, – склонил голову кугианец. – Меня зовут капитан Грабо, и я рад приветствовать вас на борту «Белого парнатура».

Помпилио промолчал. Даже не кивнул в ответ и тем заставил капитана слегка смутиться. Кугианец бросил взгляд на женщину, но та тоже молчала, внимательно разглядывая адигена. Возникла пауза, во время которой спокойно себя чувствовал только Помпилио: он, не стесняясь, разглядывал женщину, четко показывая, что понял, кто на «Белом парнатуре» отдает приказы.

И стало ясно, что говорить адиген будет только с ней.

– Вы не пленник, – кашлянув, произнес Грабо.

– Я знаю.

– Мессер Помпилио добровольно последовал за мной, поскольку ему нужен этот цеппель, – сообщил Хара.

– Вы собираетесь захватить «Парнатур»? – удивился кугианец.

– Думаю об этом, – не стал скрывать Помпилио.

– Но почему?

– Почему нет?

– Мы спасли вам жизнь в Фоксвилле.

– Я до сих пор не знаю, почему вы так поступили.

– Справедливо...

– Потому что ты не можешь умереть, не поговорив со мной, – неожиданно произнесла женщина.

– В таком случае мне нужно как можно дольше откладывать наш разговор, – хладнокровно ответил адиген. – Возможно, удастся прожить целую вечность.

Шутка удалась, однако никто не засмеялся: все ждали реакции женщины. Она же выдержала паузу, после которой обронила:

– Ты интересный.

Помпилио поднял брови, но промолчал. И тем заставил женщину продолжить:

– Ты не спросишь, о чем будет наш разговор?

– В моем арсенале есть бамбада, которая называется «Три сестры Тау», – громко ответил адиген, и все без исключения присутствующие вздрогнули.

А Помпилио едва заметно улыбнулся.

Продолжая буравить взглядом женщину.

Она растерялась. Судя по изумлению в глазах капитана Грабо, она растерялась едва ли не впервые, но с достоинством выдержала удар, продолжив прежним тоном:

– Ты еще интереснее, чем я ожидала.

– Я умею удивлять.

– Я заметила.

– В том числе – неприятно.

– Значит, у нас много общего.

– Нужно будет это обсудить, – кивнул Помпилио.

– В моей гостиной за чашкой чая, – спокойно произнесла женщина. – Нам как раз накрыли.

– Я хочу принять ванну и переодеться, – категоричным тоном произнес адиген.

И вновь удивил хозяйку корабля, только на этот раз не сильно и, кажется, приятно.

– Ты сможешь привести себя в порядок в своей каюте. А мой суперкарго подберет одежду нужного размера.

– Вряд ли у него окажется новый комплект.

– Окажется, – пообещала женщина. – Жду на чай.

Помпилио кивнул, показав, что приглашение принято.

* * *

Если собрать жителей всех обитаемых планет и попросить их назвать стихию Герметикона, ответ будет единогласным – небо. Глубокое, уходящее в бесконечную даль, невообразимо огромное и невообразимо загадочное небо. Открывающее путь в другие страны и на другие планеты.

Человечество освоило Ожерелье благодаря Вечным Дырам – уникальным устройствам из астрелия, позволяющим создавать стабильные переходы через Пустоту.

Алхимики и астрологи с материнской планеты сумели организовать колонии на девяти мирах, подарив человечеству гигантские просторы, мечтая о том, что развитие будет постоянным и пойдет во благо. Но их мечты столкнулись с суровой реальностью и... не рассыпались, конечно, но несколько потускнели. Люди слабы, подвержены страстям и гордыне, страхам и злобе, и сиюминутным желаниям, но главное – люди столкнулись с глобальными катастрофами, преодолеть которые у них получилось с огромным трудом. Белый Мор и войны Империи, а затем – как следствие – войны против Империи привели к тому, что связь с материнской планетой и тремя мирами Ожерелья прервалась и были утрачены Вечные Дыры – и сами устройства, и умение их создавать. Показалось, что человечество проклято и обречено жить обособленно, а не одной семьей, но вскоре в небо поднялись цеппели и началась Эта Эпоха – новый этап развития цивилизации. Огромные корабли несли в себе астринги – звездные машины, способные создавать небольшие, на один цеппель, межзвездные переходы, и рассеянное человечество вновь осознало себя единой семьей.

Бескрайнее небо связало обитаемые планеты в Герметикон – Вселенную людей, а символом этой связи стали цеппели: военные и гражданские, торговые и пассажирские, исследовательские рейдеры и тяжелые грузовики. И именно грузовой цеппель, здоровенный и мощ-

ный корабль класса «камион», приобрел для Киры Помпилио, именно им командовал старый капитан Жакомо, согласившийся провести безумный эксперимент.

Капитан поднялся на борт ровно в шесть утра, с привычной въедливостью проверил готовность цеппеля к полету и в десять, когда радист паровинга сообщил, что «адира ждет», отдал приказ подниматься.

«Дрезе» отцепился от причальной мачты, набрал стометровую высоту и неспешно направился к озеру, бросая длинную тень на Даген Тур и заставляя местных задирать головы. Впрочем, самые смысленные сразу сообразили, что их ожидает зрелище, побросали дела и помчались на берег, торопясь занять места в первом ряду, остальные последовали за ними, и прежде, чем грузовик добрался до озера, набережная оказалась запружена народом. Не каждый день увидишь, как невестка дара убьется на потеху толпе, подарив Даген Туру тему для разговоров на следующие сто лет и два застолья: сначала похороны, потом – следующая свадьба.

– Собираешься прикрепить паровинг к цеппелю? – догадалась Сувар, увидев над головой зависший грузовик. И сброшенные с него тросы с мощными захватами на конце.

– Именно так мы доставили машину на Лингу, – ответила Кира, внимательно наблюдая за действиями береговой команды, члены которой крепили тросы к паровингу. – Мы благополучно совершили три долгих перехода через Пустоту.

Они с Сувар явились на причал к шести утра, облаченные в летные комбинезоны, и так же, как Жакомо, посвятили последние часы проверке машины. Затем Кира распорядилась запустить кузель и разогреть двигатели, однако в подробности предстоящих испытаний не вдавалась, и Ачива до сих пор пребывала в неведении относительно планов подруги.

Но не торопилась спрашивать.

– Надеюсь, во время переходов ты находилась в гондоле?

– Разумеется.

– Мне стало легче.

– Но это не значит, что в следующий раз я не останусь в кабине паровинга, – чуть помолчав, ответила Кира. – Помпилио рассказал, что Гатов совершил переход не просто сидя в паровинге, но залетев на нем в «окно».

– Это невозможно.

– Мне Помпилио не лжет.

Сувар промолчала.

– Захваты – штатно, – доложил подошедший к подругам механик. – Можно переходить к следующему этапу.

Тросы ослаблены, поскольку цеппель висел на прежней высоте, но следовало поторопиться, ведь любой порыв ветра мог сдвинуть камиион и превратить испытание в комедию.

Кира все это понимала, но пока оставалась на крыле.

– Так что ты задумала? – тихо спросила Сувар. – Мы отправляемся развлечься на соседнюю планету?

– Тебе стало скучно в Даген Туре?

– А мы ненадолго, – рассмеялась Ачива. – Сходим на какой-нибудь карнавал, выпьем модный коктейль – и обратно.

– Я все равно предложила бы взять багаж.

– Верно... – кивнула брюнетка. – В таком случае рассказывай, что у тебя на уме.

– Капитан Жакомо поднимет «Дрезе» на половину лиги, – ответила Кира, глядя в черные глаза подруги.

– Проверим, как высоко может забраться паровинг?

– Гатов уже проверял – очень высоко, но нужно герметизировать кабину, потому что наверху воздух сильно разрежен... А в Пустоте, как ты знаешь, его вовсе нет.

– Твоя герметизирована?

- Будет.
- Не сомневаюсь. – У Сувар начали подрагивать пальцы. Она была светской дамой, жизнь ее протекала между приемами, премьерами и подготовкой к ним, но когда-то давно, на Кардони, Ачива совершила с рыжей Дагомаро массу безумств и догадалась, что подруга вот-вот предложит продолжить традицию. – Я давно не летала на паровинге.
- Насколько давно?
- С тех пор, как покинула Кардонию.
- Значит, не так уж и давно, – пошутила Кира. – Ты ведь недавно навещала родину.
- Скажи, что ты задумала, – потребовала Сувар.
- Ты уже догадалась.
- Не хочу об этом слышать.
- Давно в последний раз прыгала с парашютом?
- Никогда.
- Не ври, мы вместе прыгали.
- Тогда это случилось в первый и последний раз, – ответила брюнетка.
- Возможно, придется пережить эти ощущения снова, – прищурилась Кира. – В кабине есть парашют для тебя. Я сама его сложила.
- Что ты задумала? – повторила Ачива.
- Я собираюсь проверить, можно ли выйти на нормальный полет непосредственно с цеп-пеля, – рассказала Кира. – Без посадки на воду.
- Как ты хочешь это сделать?
- Всю последнюю неделю мы совершенствовали захваты, теперь их можно раскрыть изнутри.
- Их четыре, – буркнула Сувар, пряча от подруги дрожащие пальцы. И изо всех сил стараясь, чтобы не дрожали губы.
- Я умею считать, – спокойно сообщила рыжая.
- Если хотя бы один не сработает, ты...
- Мы воспользуемся парашютом.
- Паровинг перевернется, прыгать будет затруднительно.
- Мы справимся, – уверенно ответила Кира. – Как-нибудь.
- Общение с Помпилио превратило тебя в идиотку.
- Мой супруг никогда не рискует, не подготовившись, каждое его безумство тщательно рассчитано.
- А твое?
- Мне кажется – да. Мы с Помпилио похожи.
- К счастью, не красотой...
- То есть ты со мной? – перебила подругу Кира. – У нас мало времени.
- А Сувар, как хорошо знала рыжая, могла болтать часами.
- Если хочешь обязательно разбиться в моей компании, я могу посидеть рядом, – сдалась Ачива. – А кресло второго пилота пусть займет опытный летчик.
- Я специально откладывала испытания в ожидании тебя.
- Почему? – изумилась Сувар.
- Потому что первый полет на паровинге мы совершили вместе, – ответила Кира. – И он получился удачным.
- Полет – да, с посадкой налажали, – хмыкнула брюнетка, припомнив, как нелепо врезались они в воду, а после не сумели погасить скорость и вылетели на берег. То, что осталось от паровинга, пришлось отправить на переплавку.
- Но ведь мы живы.
- С этим не поспоришь.

- Ты со мной? – тихо спросила Кира.
- Если я сломаю хоть один ноготь, я тебя убью.
- Решение принято.
- Кира с облегчением рассмеялась и взяла подругу за руку:
- Пойдем, покажу, где лежат парашюты.

///

Герметикон – это небо.

Однако большинство людей никогда в жизни в него не поднималось, не летало ни на цепеле, ни на паровинге, ни на новомодных аэропланах, которые, по примеру Галаны, стали строить во всех развитых мирах. Небо – удел избранных и счастливых, небо не подпускает всех подряд, не желая, чтобы прозрачную голубизну испачкали грязными сапогами, небо манит...

И показывает мир совсем другим: большое делается крошечным, объемное кажется нарисованным, а люди исчезают или превращаются в точки. Однако сонный Даген Тур даже с высоты выглядел чистеньким, аккуратным и консервативным.

– Красиво, – оценила Сувар, разглядывая город. – Кажется, я понимаю, почему твои новые родственники влюблены в него.

– Даген Тур – один из старейших городов Ожерелья, а значит – Герметикона. Его никогда не перестраивали, только восстанавливали, поэтому даже сейчас его архитектура в точности копирует архитектуру материнской планеты, – рассказала Кира. – Тем он интересен и ценен.

Каменные дома под черепичными крышами, узкие, мощенные булыжником улицы, ратуша на главной площади... Главная площадь носила имя Доброго Маркуса, и на ней стоял величественный собор с высоченной колокольней, отделанный драгоценным ферсайским мрамором и украшенный бесчисленными скульптурами. Немного корявыми, потому что все они были созданы еще в Эпоху Ожерелья, когда люди только расселялись по Герметикону и знали всего девять планет.

Даген Тур не хотел и не собирался меняться, и все «современные» постройки – двухсот-летний вокзал, эллинг и склады – располагались за его пределами, не вклиниваясь в привычный облик: ведь лингийцы традиционно предпочитали неизвестному проверенное.

– У них появилось электричество и канализация, но они запрещают въезжать в город на автомобиле.

– Как же ты выкручиваешься? – изумилась Ачива, вспомнив нежную любовь подруги к спортивным машинам.

– Никак, – вздохнула Кира. – Езжу в коляске.

– Запряженной лошадьми?

– Да.

– Ужасно, – покачала головой брюнетка. – Пусть Помпилио заставит их одуматься.

Она плохо понимала реалии жизни в лингийской глубинке, но объяснять что-то или доказывать Кира не стала, просто рассказала:

– Четыреста с лишним лет назад местные приняли закон, требующий от возниц убирать навоз. Штраф – цехин. Возница Помпилио останавливается и убирает точно так же, как любой извозчик или фермер, привезший на рынок овощи. И ты должна понимать, что мой супруг отнюдь не скряга, он может выложить цехинами все улицы и площади Даген Тура, но он понимает, что есть вещи, которые нужно делать.

Несколько секунд Сувар молчала, после чего осторожно поинтересовалась:

– И что?

– Местным нравится, когда на улицах чисто.

– Как это связано с автомобилями?

– Местным они не нравятся.

Ответить понятнее было невозможно.

– Почему ты называешь их местными? – спросила Ачива.

– Раньше называла лингийцами, теперь – местными. – Кира выдержала паузу. – Если все продолжит идти так, как сейчас, скоро я стану называть их нашими. Как Помпилио.

– И станешь настоящей лингийкой.

– Да.

– Ты этого хочешь?

– Мы об этом говорили, Сувар, – напомнила Кира, поглаживая штурвал. – Нет смысла возвращаться к теме.

– Я улетила с Кардонии вскоре после начала войны, но чувствую себя кардонийкой.

– Я не смогу изменить прошлое, но сейчас мы говорим о будущем, – твердо произнесла рыжая.

Тем временем «Дрезе» поднялся в безоблачное небо на оговоренную высоту, рация ожила, радист подключил внешние динамики, и кабину паровинга наполнил голос капитана Жакомо:

– Адира, мы в километре над озером.

Кира улыбнулась, бросила быстрый взгляд на подругу и нахмурилась, разглядев в глазах Сувар нерешительность.

– Боишься?

– Есть нехорошее чувство... – протянула светская львица.

– Насколько нехорошее?

– Как будто ноготь я все-таки сломаю.

Несколько секунд Кира обдумывала слова Ачивы, после чего распорядилась:

– Капитан, пожалуйста, поднимитесь еще на триста метров.

Радист продублировал приказ, и цеппель вновь пришел в движение.

– Думаешь, так будет лучше? – немного нервно спросила брюнетка.

– С большей высоты падать интереснее, – немного нервно ответила Кира.

– И дольше.

– Ненамного.

Радист, пользуясь тем, что его никто не видит, вытер со лба пот. Сидящий у кузеля механик – тоже. И заодно принялся возносить молитву Доброму Маркусу, покровителю Линги, потому что молитву святому Хешу, покровителю цепарей, он уже прочитал. И вскрикнул, когда паровинг качнуло.

– На этой высоте сильный ветер, – сообщил Жакомо то, что паровингеры и так почувствовали. – Как дела у вас?

– Покачивается, – не стала скрывать Кира. – Опуститесь до тысячи двухсот.

– Слушаюсь.

– Приготовиться к началу испытаний. Запустить двигатели! Холостой ход!

Сувар беззвучно прошептала несколько фраз, то ли короткую молитву, то ли длинное ругательство.

Патриархальный Даген Тур казался нарисованным. И очень-очень далеким. Жителей не разглядеть, но Ачива не сомневалась, что на зависшие в безоблачном небе корабли пялится все население долины.

– Что будет, если у нас не получится? – спросила брюнетка только ради того, чтобы хоть о чем-нибудь спросить.

– Куплю еще один паровинг, – отозвалась Кира, внимательно изучая показания приборов. Пока все системы работали штатно.

– Мне бы твой оптимизм, – пробормотала Ачива.

– Бери сколько угодно.

Кира закусил губу и вновь провела ладонью по штурвалу. Сувар увидела, что подруга нервничает сильнее, чем показывает, и поняла, что должна сказать. Повернулась, протянула руку, легко прикоснувшись к плечу адигены, и твердо пообещала:

– У нас получится.

И почувствовала, что угадала: Кира улыбнулась.

– Да!

– Тысяча двести, – доложил Жакомо.

– Начинаем испытания! – Кира глубоко вздохнула и нажала на кнопку, раскрывая удерживающие паровинг захваты.

Увидела, как небо полетело вниз, вслед за падающей машиной, успела обрадоваться, но через мгновение послышался вопль:

– Проклятие!

Небо совершило кульбит, их изрядно потрянуло, а потом все остановилось, и паровинг замер под цеппелем, глядя носом вниз. Девушек дернуло в креслах, но ремни не позволили им свалиться на лобовое стекло.

– Что происходит?

Позади гроыхнуло. Что-то из того, что оказалось незакрепленным.

– Мы падаем?

– Мы не отцепились!

Радист завизжал.

– Третий захват не раскрылся, – хладнокровно сообщил Жакомо. – Адир, как у вас дела?

– Паника! – отозвалась Кира.

Капитан крикнул, но промолчал: ничем другим он помочь не мог.

– Хорошо, что мы пристегнуты, да? – На глазах Сувар выступили слезы, но шуточный вопрос она задала достаточно твердым и уверенным голосом. И даже улыбнулась. Попыталась улыбнуться.

– Ты сама сказала, что у нас все получится, – спокойно ответила Кира и громко произнесла: – Механик?!

– У меня пока порядок, адир! Кузель заблокирован, однако мощности аккумуляторов хватит надолго.

Работать под углом девяносто градусов алхимический кузель не мог, конструкция не позволяла, но проблем с электричеством нет, а значит, двигатели дадут нужную мощность.

– Замечания?

– Хорошо, что я не стал завтракать.

Как любой летательный аппарат, паровинг был рассчитан на разные режимы полета. «Мертвую петлю» он делать не способен, но многие фигуры пилотажа были ему по плечу, и резкий крен бортовые системы перенесли спокойно. Однако долго висеть на одном-единственном захвате вряд ли получится.

– Капитан, дайте высоту! – распорядилась Кира. – Резко поднимайтесь и при этом маневрируйте так, чтобы меня раскачать, а затем как-нибудь отцепите трос.

Возможно, окажись на месте Жакомо менее опытный офицер, он бы начал задавать бессмысленные вопросы, теряя время и рискуя жизнями паровингеров, а вот старик ответил коротко:

– Мы его взорвем, адир, небольшой заряд уже подготовлен.

И у Киры потеплело на душе: приятно, когда помощник понимает ситуацию так же хорошо, как ты, и принимает такие же решения.

– Как думаешь, вода сегодня холодная? – продолжила шутить Сувар.

– Искупаемся после обеда, – хмыкнула Кира.

– Обещаешь?

– Мой парк выходит к чудесной тихой бухте, тебе понравится.

– Там тоже есть скульптуры?

– Разумеется.

– Работы Кауро?

– Нет, парк разбили на триста лет раньше. В нем стоят работы Жардена дер Спата.

– Оригиналы?

– Кахлеса не терпят фальшивое.

Радист вновь вскрикнул, поскольку паровинг изрядно качнуло.

– Следи за горизонтом, – распорядилась Кира. – Надеюсь, трос выдержит.

– Жаль, что он оказался таким крепким.

Девушки рассмеялись. Правда, неестественно громко и резко. Что, впрочем, неудивительно, учитывая их положение.

Паровинг болтается в воздухе, удерживаемый одним, но необыкновенно крепким тросом и глядя на далекую землю левым крылом. При каждом движении слышится громкий, весьма неприятный скрип. Радист скулит. Механика не слышно, но есть серьезное подозрение, что он тоже напуган. Ветер усиливается.

– Спасибо, что отправилась со мной, – произнесла Кира, бросив взгляд на подругу. – Для меня это было очень важно.

– На земле поблагодаришь, – отрывисто ответила Сувар. Передохнула и осведомилась: – Мне кажется или мы стали раскачиваться сильнее?

– Набрали инерцию.

Сильный ветер и маневры капитана Жакомо сделали свое дело: амплитуда колебаний паровинга начала расти.

– Представляю, какая болтанка сейчас на цеппеле, – пробормотала Ачива. – И как там сейчас ругаются.

– Вряд ли ругаются, они ведь должны нас спасти, – бросила Кира. – Что с горизонтом?

– Минус двадцать три градуса, – доложила Сувар, дождавшись, когда паровинг достигнет крайней правой точки.

– Я бы на вашем месте поспешил, адира, – негромко произнес Жакомо. – Полагаю, захват вот-вот порвется.

– Я вас поняла, капитан, взрывайте трос на этом заходе. Всем приготовиться! – Кира вновь закусила губу, прикоснулась к висящему на груди медальону, собираясь обратиться к любимому, но неожиданно для себя сказала совсем другое: – Да хранит нас Добрый Маркус!

За что удостоилась внимательного взгляда подруги.

Паровинг достиг самой нижней точки и стал стремительно подниматься вправо.

– Минус восемнадцать градусов!

«Пора!»

Жакомо взорвал трос, но за секунду до этого сломался захват и паровинг ухнул вниз. К счастью, носом вперед. Но почти в пике.

– Двигатели на полную! – закричала Кира. – Дай тягу!

Четыре мощнейших мотора заработали, бешено раскручивая винты, но машина продолжала лететь к воде.

– Кира! – взвизгнула Сувар. – Кира!

– Не будем торопиться, – процедила рыжая, очень, очень осторожно потягивая штурвал на себя. – Иначе порвемся...

Слишком высокая скорость, плюс неудачный угол, ведь в первую очередь машину нужно выровнять, плюс стремительно приближающаяся поверхность озера... Хотя... это скорее минус.

– Кира!

Радист замер у входного люка, готовый в любой момент раскрыть его и прыгнуть. Что с механиком, не ясно, его не видно, потому что он на посту, не отходит от кузеля. Сувар бледна как смерть. Адигена тоже, но сохраняет спокойствие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.